

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

Ливонский поход Ивана Грозного

Перемирия

Приготовления к войне

Полоцк

Великие Луки

Псков

Запольский Ям

В.В. НОВОДВОРСКИЙ

Тайны Земли Русской

Витольд Новодворский

Ливонский поход Ивана Грозного

«ВЕЧЕ»

1904

Новодворский В. В.

Ливонский поход Ивана Грозного / В. В. Новодворский —
«ВЕЧЕ», 1904 — (Тайны Земли Русской)

Книга известного русского историка XIX века Витольда Владиславовича Новодворского посвящена малоизученному периоду правления Стефана Батория и событиям, имевшим большое историческое и политическое значение для всей Восточной Европы, из которых особо выделяется Ливонская война, которая велась Царством Русским за территории в Прибалтике и выход к Балтийскому морю. Книга (авторское название – «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой») по праву считается классическим трудом, не утратившим до наших дней своей исторической ценности. В новом издании книга публикуется с некоторыми сокращениями и с сохранением стиля и орфографии оригинала.

© Новодворский В. В., 1904

© ВЕЧЕ, 1904

Содержание

I. Перемирия	6
II. Ливонский поход Иоанна (1577)	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

В. В. Новодворский

Ливонский поход Ивана Грозного

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Царствование Стефана Батория весьма плохо исследовано, как это прекрасно выяснил проф. В. Закржевский в своем сочинении «Stefan Batory, przegląd historii jego panowania i program dalszych nad nią badań». Это обстоятельство, между прочим, побудило меня заняться изучением этой эпохи, и таким образом явилось нынешнее исследование.

Говорить здесь о значении борьбы из-за Ливонии в судьбах Восточной Европы считаю делом излишним, ибо пришлось бы повторять то, что всем уже известно. Но позволю себе сказать несколько слов о характере своей работы. В науке допустима одна только точка зрения – научная, т. е. точка зрения истины; однако, к сожалению, в области социальных наук подняться на такую высоту весьма трудно. Тем не менее приблизиться к идеалу объективизма возможно путем монографических, детальных исследований, ставящих себе целью критическую проверку исторического материала. К таким исследованиям принадлежит и мое сочинение, или по крайней мере я желал придать ему такой характер. В сочинении моем существуют, конечно, многие, притом большие недостатки и недочеты; я могу утверждать только одно с чистой совестью, что старался отыскать истину, но насколько к ней приблизился, не мне, понятно, судить об этом. Меня утешает мысль, что если мое исследование имеет какое-нибудь научное значение, оно пригодится в каком-нибудь отношении для других исследователей, которые поведут дело далее, шире и глубже и создадут нечто совершенное.

В заключение позволю себе принести искреннюю и глубокую благодарность тем учреждениям и лицам, которые оказывали мне помощь и содействие в моих разысканиях.

В. Новодворский

I. Перемирия

Война Иоанна IV с Речью Посполитою из-за Ливонии была прервана при Сигизмунде Августе трехлетним перемирием, срок которому истекал к концу июня 1573 года¹. Но интересы обоих государств были столь противоположны и отношения между ними до такой степени натянуты, что война могла возобновиться во всякое время, еще до истечения срока перемирию. Прекратилась собственно – да и то не вполне – только борьба на полях сражений, но борьба политическая и дипломатическая продолжалась с прежней силой. Заключая перемирный договор с Речью Посполитою, Иоанн в то же время приводил в исполнение проект ливонского королевства, объявляя королем Ливонии герцога Магнуса на условиях вассальной зависимости². Послы Сигизмунда-Августа, заключившие с Иоанном перемирие, донесли по своему возвращении об этом королю и вызвали в нем немалую тревогу, так как эта политическая комбинация направлена была против интересов Речи Посполитой³. Со своей стороны, Сигизмунд-Август прилагал все усилия к тому, чтобы уничтожить уже в самом зародыше московский флот на Балтийском море, что тогда называлось нарвскою навигациею, усматривая в ней большую опасность не только для Речи Посполитой, но и для всей Западной Европы⁴.

В 1569 году он нанял к себе на службу каперов, которые должны были задерживать иностранные корабли, везшие в пределы московского государства какие бы то ни было товары⁵. На это король датский, сблизившийся с Иоанном Грозным, и его брат Магнус ответили заведением тоже каперских судов, которые не мало вреда причиняли торговым интересам Речи Посполитой, задерживая корабли, шедшие в польские гавани. Таким образом, на море война, собственно, как бы и не прекращалась⁶.

¹ Перемирные грамоты Иоанна и Сигизмунда-Августа от 1570 г. у кн. М. Щербатова (Ист. Рос., т. V, ч. IV, № 16, стр. 92—123), в Книге посольской метрики Великого княжества Литовского, ч. I, №№ 191 и 192 и в Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 724–734.

² Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, т. I, 532–540.

³ Akta podkanclerskie Pranciszka Krasinskiego. Biblioteka Ordynacji Krasinskiach Rok 1870, № CXXIX.

⁴ Bibl. Ord. Eras. Rok. 1871, стр. 60.

⁵ Г. В. Форстен. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII ст. (Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, т. XXI, стр. 128, № 54).

⁶ Bibl. Jrd Kras. Rok. 1870, стр. 167, 201, № CLVIII.

Изображение Магнуса, герцога Голштинского на печати. XVI в.

Самое заключение перемирного договора сопровождалось обстоятельствами, которые могли повлечь за собою нарушение перемирия, а следовательно, и возобновление войны. Посольство Сигизмунда-Августа, ехавшее в Москву, от самой границы московского государства подвергалось оскорблениям со стороны московских приставов и их слуг и само платило им тем же. Прибыв в Москву, оно не застало там Иоанна: он не возвратился еще из своего путешествия в Новгород, где он произвел такую ужасную кровавую расправу. По возвращении царя в столицу послы были приняты сначала довольно радушно, но когда прибыл в Москву герцог Магнус, отношения Иоанна к польско-литовскому посольству изменились. Оно стало подвергаться различного рода оскорблениям, к чему, впрочем, и само подавало иногда повод, нанося обиды Москвитянам. Царь приказывал бить посольскую свиту батогами и издевался над польскими обычаями⁷. Когда один из послов, литовский писарь Андрей Иванович Хари-

⁷ Об этих происшествиях мы почерпаем сведения из двух источников: литовского и московского. Подробности, сообщаемые тем и другим, согласуются между собою, расходясь только в том, что литовский источник умалчивает об оскорблениях, которым подвергались Москвитяне, а московский представляет обиды, который наносились посольству, как наказание царя за дерзкое поведение послов. См. *Despekty i obelzywosci, ktore siy dzialy nam poslom I. K. Moscl etc.* (A. Przewdziecki, *Jagiellonki polskie* V. 116–172 по-польски и по-латыни у Aug. Theiner, *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimorum illustrantia* II. 752–737) и Сborn. Рус. Имп. Общ. LXXI. 713–715, 723.

тонович-Убринский⁸, отказался дерзко принять царские подарки, считая их не соответствующими своему званию, Иоанн отправил на посольский двор отряд вооруженных людей, которые на глазах послов разрубили двух коней, подаренных царю послами; начальник же отряда, Булат Арцыбушев, бранил послов поносными словами, топтал ногами подарки, поднесенные посольством, а литовскому писарю вырвал половину бороды⁹.

У купцов, Греков и Армян, прибывших с посольством в Москву, были отобраны в казну, по приказанию царя, товары, причем купцы не получили никакого вознаграждения. Мало того, когда посольство выехало из пределов московского государства, Иоанн приказал выгнать их за границу «в одних рубашках, без шапок и босыми»¹⁰. Затем он произвел избиение польских и литовских пленных, которые были заключены в московских темницах¹¹.

Оскорбления послов вызвали в Польше сильное негодование. Жалуясь на свои обиды перед королем, они увещевали его нарушить перемирие, подавая ему надежду на благополучный исход войны, так как силы «варвара» истощены постоянными войнами, голодом и моровой язвой, а подданные сильно ненавидят его за его ужасную жестокость¹².

Общественное мнение требовало тоже сначала весьма настоятельно, чтобы король объявил Иоанну войну¹³. Но Сигизмунд-Август не мог последовать этим советам, ибо положение Речи Посполитой вследствие продолжительной войны также было тяжело. Однако он не преминул воспользоваться настроением общественным, чтобы подготовить умы к необходимости новых жертв на ведение борьбы с врагом.

⁸ L. Gornicld, *Dzieje w Koronie polskiej* (Dziela wszystkie Warszawa 1886. t. III. 236).

⁹ Приключение с литовским писарем Иоанн приказал послам, которых он отправил в Польшу для ратификации перемирного договора, так объяснить: «...и Ондрей учал соболи на землю метати и в те поры прилучился царского величества приказный человек Булат Дмитриевич Арцыбушев и он с Андрея снял юпу для соболей, чтобы сободем в грязи убытка не было и хватил невежливо и за то царское величество на Булата словесную опалу великую наложил» (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 786). Аббат Цир, состоявший при дворе Сигизмунда-Августа посланником, со слов одного из литовских послов изображает в письме к императору Максимилиану II сцену еще более сильную. Послы являются во дворец. Разгневанный царь, окруженный опричниками, начинает грозно кричать на послов. Опричники готовы броситься на них, чтоб их перебить. Жизнь послов находится в опасности. Тогда перед разгневанным Иоанном бросается на землю митрополит (Кирилл) и молит даровать жизнь послам. Царь смягчился, и послы были спасены.

¹⁰ *Despekty i obelzywosci etc.*, op. cit. V. 171. Факт ограбления Армян и Греков подтверждается самим Иоанном: «...и мы о тех о всех статьях справлялись с казначеи и с дьяки царского величества и они нам сказывали, что те кони и товары иманы в цене царского величества у армян и у греков и в прежних обычаях того не было, чтоб с литовскими послы армян и греки приходили» (Сборн. Рус. Имп. Общ. LXXI. 757–758).

¹¹ См. Alexandri Giuignini Veronensis Omnium Regionum Moscoviae Descriptio (A. Starczewski, *Historiae ruthenicae scriptores exteri* I. 41–43). Этот писатель изображает ужасные сцены. По его счету, было перебито до 160 человек; некоторых царь собственноручно умерщвлял. Мы знаем, что сочинение Гваньини считается памфлетом, но такой общий приговор, по нашему мнению, не может мешать нам пользоваться – с должной, конечно, осторожностью – этим сочинением, как историческим источником: ведь и памфлетист может сообщить много верного, чтобы придать своему памфлету характер правдивости. К сожалению, критического разбора сочинения Гваньини мы не нашли. Чиполла (Carlo Cipolla, *Un Italiano nella Polonia e nella Svezia tra il XVI e il XVII secolo* в *Miscellanea di storia italiana* t. XXVI p. 585) принимает сообщения Гваньини о жестокостях Иоанна на веру. Но известие об избиении литовских и польских пленных подтверждается автором рассказа «*Despekty i obelzywosci*» (I. c. V. 171–172). О пребывании польско-литовского посольства в Москве мы имеем еще сообщение флорентинского купца Тедадьди, проживавшего в московском государстве долгое время (см. Purling, *Un nonce du pape en Moscovie*. Paris 1884, p. 173–174). По его словам, Иоанн не обращался так дурно с послами, как об этом ходили слухи: послы сами своими насмешками над Москвитянами и своим поведением раздражали Иоанна; особенно сильно рассердил его еретический проповедник (Рокита), которого они привезли с собой. В рассказе Тедадьди замечается желание представить Иоанна лучше, чем он был на самом деле: Пирлинг (Papes et tsars, p. 208) называет Тедадьди апологетом царя. Что оскорбления посольства были сильны, доказывает тот факт, что Стефан Баторий припоминал впоследствии Иоанну эти оскорбления, считал их оскорблениями самого короля и приводил их как один из поводов, вследствие которых он объявляет царю войну, см. *Acta Stephani Regis* (*Acta historica res gestas Poloniae illustrantia* t. XI № CXIV, стр. 167).

¹² Сообщение аббата Цира (Вен. госуд. арх.) императору Максимилиану (письмо от 28 августа 1570 г.).

¹³ Сообщение Цира 28. XL 1570 (Вен. Госуд. Арх.). Из Москвы возвратился Шлихтинг, бывший в плену семь лет; он рассказывает ужасы о жестокостях царя и подтверждает сообщения послов. Ita ardent vindictae cupiditate Poloni, quod omnibus rationibus bellum serenissimo regi contra exhaustum fame, peste, externis et domesticis caedibus barbarum persuadere satagunt...

Польский король Сигизмунд II Август. Художник Я. Матейко

Далее, перемирный договор не установил вполне мирных отношений между Речью Посполитою и московским государством: вооруженная борьба продолжалась в витебской и полоцкой областях, там, где находились спорные земли; кроме того, Магнус, получив вооруженную помощь от Иоанна, вторгнулся в пределы польско-литовской Ливонии и произвел опустошение в окрестностях Пернова и Руина¹⁴.

Наконец, Иоанн не совсем точно соблюдал условия перемирного договора: по этим условиям замок Таурус (Taurus), разрушенный войсками Сигизмунда-Августа, не следовало возобновлять, между тем Иоанн приказал его отстроить и поставил в нем гарнизон. Сигизмунд-Август считал это обстоятельство нарушением договора и указывал на него как на повод, вследствие которого война может возобновиться еще до истечения срока перемирия. Это обстоятельство обсуждалось на сейме 1572 г. Действительно, построение этого замка и постановка в нем гарнизона представляли немалую опасность для Литвы, так как крепость находилась недалеко от литовской столицы – города Вильны¹⁵.

¹⁴ Н. Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россией и Польшей по 1700 год. Чтения в Общ. Ист. и Древн. Рос, 1860. IV (книга четвертая), стр. 135–136.

¹⁵ См. Instrukcja sejmowi Warszawskiego 1571 г. Bibl. Ord. Kras. Rok 1871 № CCCXC, стр. 452 и *Тургенев*, I. № СЫХ.

Вильно в конце XVI в.

Одним словом, отношения между обоими государствами были весьма неустойчивы; на мир была очень слабая надежда. Ратифицируя условия перемирного договора в 1571 году, польский король подумывал уже о войне и старался подыскать средства на ведение ее¹⁶. Однако перемирие не было нарушено по следующим причинам. Сигизмунд-Август в последние годы своего царствования был тяжело болен, и вопрос о том, кому достанется корона Речи Посполитой, сильно интересовал соседних государей. К ним принадлежал и Иоанн Грозный. В 1569 году гонцу Федору Мясоедову, отправляемому в Польшу, был дан такой наказ: «...провесть ему того, которым обычаем то слово в Литве и Польше в людях носится, что хотят взять на великое княжество и на Польшу царевича Ивана и почему то слово в люди пущено, обманкою ли, или в правду того хотят и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится»¹⁷. В 1570 году польско-литовские послы, приехавшие в Москву для заключения перемирия, заявили царю, что так как у их короля нет детей, то «ради Короны Польской и Великого Княжества Литовского желают избрать себе государя от славянского рода и склоняются к тебе, великому государю и твоему потомству». Иоанн отнесся к этому заявлению недоверчиво, что и вполне понятно, так как он мог думать, что это заявление ни более ни менее, как только дипломатическая уловка, сделанная с той целью, чтобы склонить его к большой уступчивости, чем в действительности она и была¹⁸. Тем не менее Иоанн сильно заинтересо-

¹⁶ Ратификация происходила 8-го мая 1571 г. (см. Н. Н. Багдасаров. *Op. cit.*, стр. 135).

¹⁷ А. Малиновский. Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России. *Общ. Ист. и Древн. Рос.* Москва, 1833. VI, стр. 12.

¹⁸ В искренность посольского заявления нельзя верить уже хотя бы потому, что послы были враждебно настроены к Иоанну за те обиды, которым они подвергались в Москве. Кроме того, неискренность этого заявления явствует из самих слов послов. После заявления о том, что польско-литовский сенат склоняется к Иоанну и его потомству следуют слова: «и ты б, великий

вался этим заявлением, как и вообще известиями, приходившими из Речи Посполитой, о том, что там хотят иметь государем его или его сына.

Отправляя в 1571 году для ратификации перемирного договора послов, князей Канбара и Мешерского, в Польшу, Иоанн не только приказывал им разведать, каково настроение страны по вопросу об избрании преемника Сигизмунду-Августу, но вместе с тем и очистить или оправдать его, Иоанна, в глазах польско-литовского общества, которое могло относиться к нему враждебно за казни, им совершенные¹⁹. Послы присылали царю «приятные донесения». Между прочим, они писали следующее: «Говоря в Варшаве: нехай не вдолзе Польша и Литва с Москвою посполе будет, король стар и хвор и бездетен, а опричь московского иного государя не искати»²⁰. Московское посольство имело тайное поручение устроить брак Иоаннова сына с сестрою короля Софиею²¹. Когда в 1572 году разнеслось известие, что король впал в тяжкую болезнь, Иоанн послал в Польшу гонца Василия Малыгина разузнать, достоверно ли это известие; гонец вскоре донес, что Сигизмунд-Август скончался (7-го июля 1572 года)²².

государю, опатрил по тому письму нашему, что есмя дали список рубежом полоцкому повету и иным замком рубежа, велел своим бояром по тому перемирное постановление делати». Что Иоанн понял уловку послов, показывают его слова: «...А коли уж вам хотение к прихильности и вам пригоже нас не раздражати, а делати так, на чем есмя велел...» (см. Собрн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 677).

¹⁹ Соловьев. История России (изд. 1894), кн. II. 204.

²⁰ А. Малиновский. Стр. 14–15, Соловьев. II. 204, Собрн. Ими. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 803.

²¹ Аббат Цир (Веп. Госуд. Арх.) сообщает императору Максимилиану, что московское посольство имеет весьма важные полномочия.

²² Н. Н. Бантыш-Каменский, 1, стр. 137.

Вооружение русской дворянской конницы. Гравюра из книги С. Герберштейна Записки о Московии

Наступившее безкорольеве вызвало большую тревогу в польском и литовском обществе относительно дальнейших судеб Речи Посполитой и безопасности ее от внешних врагов. Положение было действительно критическое. В Литве и Пруссии господствовало столь сильное недовольство условиями люблинской унии, что эти страны, казалось, готовы были расторгнуть узы, соединившие их с Польшею. Внутри происходила ожесточенная социальная и религиозная борьба, борьба между шляхтою и аристократиею, между католиками и протестантами. К тому же со смертью короля не стало руководителя государственной обороны. Речь Посполитая распадется, казалось, на свои составные части, которые сделаются добычею ее врагов. Но шляхетское общество подумало о средствах спасения той федерации, которую оно само создало, причем проявило замечательную энергию. В различных частях Речи Посполитой были составлены конфедерации с целью самозащиты от внутренних и внешних врагов.

Литве угрожала наибольшая опасность со стороны Иоанна Грозного. Ввиду этого руководители ее поспешили войти в дипломатические сношения с московским царем, чтобы отвести эту опасность от своей страны. Съезд литовских вельмож, в котором принимал участие и польский подканцлер Франциск Красинский, краковский епископ, как представитель Польши, отправил к Иоанну от имени Речи Посполитой гонца Федора Зенковича Воропая, чтобы изве-

стить царя о кончине короля и просить о сохранении существующего перемирия. Чтобы удержать Иоанна от враждебных действий против Литвы, съезд решил прибегнуть к следующей стратегеме. Гонцу было наказано заявить царю, что выбор его на престол Речи Посполитой возможен, и что, если это случится, тогда все спорные вопросы, из-за которых между государствами происходит столь ожесточенная война, сами собою и мирно разрешатся.

Иоанн рассчитывал на такое предложение; тем не менее он счел необходимым подействовать на Речь Посполитую угрозами. Зная по слухам о смерти Сигизмунда-Августа, он притворился, что событие это еще ему неизвестно, и отправил к королю гонца с письмами. Такой образ действий Иоанна встревожил литовских вельмож, ибо возбудил в них подозрение, что царь затевает что-то недоброе²³.

Действительно, письма Иоанна наполнены были угрозами. Он заявлял, что если Речь Посполитая не пришлет к нему в октябре месяце для заключения мира великих послов, на проезд которым в свое государство он присылал с гонцом опасную грамоту, в таком случае он сочтет такое пренебрежительное отношение к себе за обстоятельство, указывающее, что Речь Посполитая не желает соблюдать с ним мир, а потому займет Ливонию. В этих угрозах Иоанна литовские сенаторы увидели еще большую опасность для Речи Посполитой. Им показалось, что находится в опасности не только Ливония, но и Литва, так как царь готов при всяком удобном случае броситься на все, чем только можно легко завладеть.

Надо было предупредить опасность сколь возможно скорее. Гонца выслушали на сеймике в Рудниках и поспешили уверить царя, что великое посольство прибудет к нему согласно его желанию. Гонец тотчас же поехал назад в Москву. Между тем прибыл сюда Федор Зенкович Воропай; он разъехался в дороге с московским гонцом, когда последний направлялся еще в Литву²⁴. Иоанн принял Воропая весьма ласково²⁵. Стратегема польских и литовских вельмож увенчалась полным успехом. Иоанн поверил искренности заявления, сделанного ему гонцом от имени литовско-польского сената, и счел возможным избрание свое на польский престол. «Скажи польским и литовским панам, – говорил царь гонцу, – чтобы они, переговоривши и посоветовавшись меж собой, присылали ко мне поскорее послов. И если будет то Богу угодно, чтоб я сделался их государем, тогда я обещаюсь перед Богом прежде всего, и им также обещаю сохранить их права и свободы, и если будет нужно, то еще и больше приумножу и от чистого сердца пожалую». Царю нравилась мысль об избрании его в короли главным образом потому, что тогда осуществилось бы его заветное стремление к Балтийскому морю: тогда Ливония, Москва, Новгород и Псков составили бы одно владение. В таком виде представлялось уму

²³ Письмо литовских сенаторов к польским от 14-го сентября 1572 года: московский гонец прибыл с письмами к королю; невозможно допустить, чтобы великий князь не знал о смерти короля; поэтому тут кроется что-то недоброе; пусть паны коронные сообщат поскорее свое мнение; когда гонец приблизится к Вильне, он будет задержан на время перед городом (собрание документов, относящихся к безкоролевью 1572–1574 гг. в львовской библиотеке гр. Баворовских, лист 227).

²⁴ Ход дипломатических сношений Речи Посполитой с Иоанном представляется в исторических сочинениях неопределенно или даже сбивчиво, что объясняется отсутствием даты в документе, дающем нам отчет о посольстве Воропая (*Тургенев*, I. 229–232). Карамзин (IX. 215–219, изд. 1852) относит, по-видимому, аудиенцию этого гонца у Иоанна к сентябрю 1572 г., ибо, передав слова царя Воропаю, продолжает рассказ следующим образом: «За сим Иоанн, в глубокую осень, выехал из Москвы, с обоими сыновьями, чтобы устроить войско в Новгороде и сдержать данное королю шведскому слово», т. е. начать с ним войну, а из примечания 412 явствует, что царь выехал из Москвы 21-го сентября. Соловьев, кн. II (изд. 1894 г.) столбец 239, замечает, что «от приезда Воропая до приезда нового посла литовского, Гарабурды, прошло месяцев шесть», т. е. относит аудиенцию Воропая тоже к сентябрю, так как Гарабурду царь принимал в конце февраля 1573 года. Трачевский (Польское безкоролевье, Москва, 1869, стр. 252) выражается слишком туманно: «В начале 1573 года Иоанн Грозный получил разом несколько грамот из Польши и Литвы. Около того времени, когда он выслушал просьбу Литовцев, привезенную его собственным гонцом, в Москву прибыл Федор Зенкович Воропай». Московский гонец был в Литве в конце сентября, Иоанн уехал из Москвы 21-го сентября в Новгород и был там еще в начале 1573 года, поэтому изложение Трачевского надо признать сбивчивым. Между тем сам Иоанн указывает на сентябрь, как на время, когда он принимал Воропая (см. прибавление I). Трачевский (I. с. 252) считает инициаторами посольства Воропая панов, присутствовавших на кнышинском съезде, но это неверно. Постановления кнышинские подписали одни лица (см. *Bibl. Ordyn. Kras. Rok 1871. 426–427*), Иоанн же в своем письме (см. то же прибавление) называет других лиц, как тех, которые прислали к нему Воропая.

²⁵ См. прибавление II.

Иоанна осуществление делаемого ему предложения. Приобретение Ливонии считал он столь важным для себя, что готов был в том случае, если бы он не был избран королем Речи Посполитой, уступить ей за Ливонию Полоцк с пригородами и далее часть своих собственных московских владений. Перспектива соединить под своею властью столь обширные государства, как московское и литовско-польское, прельщала Иоанна несомненно²⁶. Понимая, что слава тирана, которую он приобрел за свои казни всюду, куда доносилось его имя, может повредить успеху дела, он наказывал тем же послам, о которых мы выше говорили, заявлять, что казни – достойное наказание изменников. Точно таким же образом царь оправдывался и перед Воропаем. «Если кто наказан, – говорил он гонцу, – то наказан сообразно своей вине. Скажи, разве у вас измены не наказывают, разве изменникам прощают? Я знаю, что наказывают» – и в доказательство этого привел один случай смертной казни, совершенной в Вильне над неким Викторином, которого обвинили в намерении убить короля по наущению самого Иоанна²⁷.

Иоанн поверил заявлениям Воропая, а между тем они были неискренни. Литовские вельможи о возведении Иоанна на престол Речи Посполитой и слышать не хотели. Николай-Христофор Радзивилл тотчас после смерти Сигизмунда Августа писал (15-го июля) следующее своему дяде виленскому воеводе: «Боже сохрани, чтобы нами командовал московский колпак и потому, ради Бога, советую вам вовремя принять меры против московского посла». Столь же враждебно к кандидатуре Иоанна относился и главный руководитель тогдашней Литвы Ходкевич²⁸. Кандидатура царя была более всего популярна среди польской и литовской шляхты; сочувствовало этой кандидатуре и православное население литовского княжества нешляхетского происхождения, но сочувствие это было, конечно, чисто платоническое, потому что нешляхта была лишена активного участия в государственных делах²⁹.

²⁶ Утверждаем это вопреки Соловьеву, *op. cit.* II кн., столб. 204.

²⁷ Тургенев, I. 230.

²⁸ См. Трачевский, *op. cit.* Примечания, стр. 101.

²⁹ Венецианский посол Липпомапо выражается о событиях безкорольева после бегства Генриха таким образом: «говорят, что народ литовский и русский хотел бы видеть его (т. е. Иоанна) польским королем и что он имеет не менее многочисленную партию, как и всякий другой претендент на корону, особенно между крестьянами, но они мало ему помогут, ибо к избирателям не принадлежат», см. *Relacje juncjuszow apostolskich i imiych osob w Polsce*. Berlin – Poznan, t. I, 280.

Христофор Радзивилл. Гравюра XVI в.

О московской кандидатуре думало также и духовенство, имевшее, конечно, прежде всего в виду интересы церкви, распространение католичества. Но Ходкевич высказывался против

этой кандидатуры самым решительным образом, так что мысль об ней была оставлена духовенством³⁰.

Несмотря на это, литовские вельможи продолжали обманывать Иоанна заявлениями о своем желании подчинить Речь Посполитую власти московских государей. Они отправили к нему нового гонца Степана Матвеева и предлагали корону великого княжества литовского не самому царю, а младшему сыну его Феодору³¹, прибавляя, что будут советовать польским панам и склонять их к тому, чтобы и Польша также избрала себе королем царевича.

Но этим литовские вельможи не ограничились. Согласно желанию Иоанна, они отправили к нему посла, которого царь уже знал по предшествовавшим переговорам, присяжного писаря великого княжества литовского Михаила Гарабурду, дав ему поручение разузнать в точности, захочет ли младший сын Иоанна, царевич Феодор, утвердить клятвою свое обещание соблюдать права и вольности Литвы, если он будет избран на литовский престол, ибо они желают иметь у себя царевича великим князем³². Вместе с тем они просили царя продолжить перемирие³³, что и было главною целью всех этих дипломатических переговоров.

В отправке Гарабурды произошла задержка до конца 1573 года³⁴, так как Литовцы, узнав, что Иоанн выступил в поход против Шведов, успокоились: опасность не была уже так грозна.

Гарабурду Иоанн принимал в Новгороде (24, 25 и 28-го февраля и 6-го марта)³⁵. Царь отнесся к новым предложениям литовских вельмож недоверчиво, что было вполне основательно. Они оправдывали задержку в отправлении к царю посольства моровым поветрием, которое свирепствовало в Литве и Польше и не позволило съехаться вместе литовским и польским вельможам, чтобы обсудить вопрос, кого избрать в короли Речи Посполитой. Во-вторых, они предлагали корону то самому Иоанну, то его сыну Феодору. Все это могло возбуждать в царе подозрение, что Литва действует неискренно. Однако цель, с какою Гарабурда ездил к Иоанну, была достигнута: перемирие не было нарушено, хотя и не вполне, ибо московские войска, отправленные против Шведов, перешли границу Ливонии, принадлежавшей Речи Посполитой, выжгли и сильно опустошили окрестности замков Буртника и Руина. Это нападение возбудило в Ходкевиче, управлявшем Ливониею, сильное опасение, будет ли он в состоянии дать отпор многочисленной армии врага, так как у него войска немного; да к тому же, за недостатком денег, он не мог платить своим воинам жалованья. Опасения за судьбу Ливонии усиливались у Ходкевича еще вследствие того, что в стране обнаруживалось брожение умов, враждебное польско-литовскому владычеству: по Ливонии разъезжал какой-то аббат и возмущал ливонское дворянство и вообще население страны против Речи Посполитой³⁶.

³⁰ См. письмо папского нунция Коммендоне от 12-го сентября 1572. года. *Тургенев* I, 224, № CLX.

³¹ См. «Грамоту московского царя Иоанна Васильевича литовским радным панам в ответ на предложение и литовско-польского престола сыну его, царевичу Феодору» в «Акты, относящиеся к истории Западной России» III, 161, № 55. Матвеев был отправлен после Воропая, что явствует из след. слов грамоты: «что есте присылали до нас гонца своего Стефана Матвеева с грамотою и в той грамоте своей к нам писали есте: ведомо уже нашей милости есть, что великого государя Жигимонта Августа, короля и великого князя, брата нашего, а вашего государя, в животе не стало...» Можно предположить, что вопрос об избрании Феодора обсуждался на сеймике в Рудниках и что Матвеев был послан к царю с этого именно сеймика. В грамоте говорится дальше так: «а вы, рада, и також княжата и панята и все рыцертво...»

³² *W. S. hr. de Broel-Plaier. Zbior pamietnikow de dziejow polskich Warszawa, 1838, II, 20.* Грамота, данная Гарабурде, имеет такую пометку: *pisan w Rudnikach roku Bozego 1572, miesiecia oktobra 27 dnia.* Не ошибка ли это? Сеймик в Рудниках происходил в конце сентября, и едва ли он затянулся на целый месяц. Грамота, которую Гарабурда должен был представить царю, носит дату 27-го сентября (об ней ниже). Дата эта, кажется, вернее. Трудно предположить, чтобы литовские паны вторично собирались в Рудники в октябре. Гарабурда представителю отчет о своем первом посольстве к Иоанну на рудничком сеймике в конце сентября (*Тургенев*, I, 226») и тогда же он получил, вероятнее всего, новые полномочия посольские к Иоанну.

³³ Акты, относящиеся к истории Зап. Рос, III, 162, № 56.

³⁴ См. *Relacja poselstwa Michała Haraburdy (K. Sienkiewicz, Skarbiec historii polskiej, II, 63–77): Roku 1572 Grudnia 29 dnia będąc mnie Michału Haraburdzie posłanemu i рук. Ими. Пуб. библ. лат. F IV 33.*

³⁵ См. также *Тургенев*, I, 237–242, № CLXX.

³⁶ См. письмо Ходкевича от 9-го января 1573 г. к польским сенаторам в рук. Лат. F. IV. 33 и *K. Sienkiewicz, op. cit. II, 271–273.* Письмо это переведено на немецкий язык и помещено в *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv, Est und*

Пересылки Литовцев с Иоанном вызывали в Польше неудовольствие и усиливали взаимное недоверие и вражду, которые существовали уже и так вследствие того, что Литва желала возвратить себе те земли, которые по условиям люблинской унии были присоединены к Польше³⁷. Здесь ходили слухи, что Литовцы готовы передаться московскому царю. Вражда разъединяла и литовскую знать, притом до такой степени, что некоторые литовские вельможи посылали в Польшу доносы на других, обвиняя их в тайных сношениях с иностранными государствами к вреду Речи Посполитой, именно в сношениях с московским царем³⁸. Однако Литва не желала уничтожить унию, так как, очевидно, считала ее для себя весьма полезной.

Несмотря на отчужденность, проявленную ей по отношению к Польше в 1572 году, литовский съезд, созванный на 20 декабря этого года и состоявший из вельмож и шляхты, решил отправить послов на конвокационный сейм, который должен был определить место, время и порядок избрания нового короля. Послами были подканцлер литовский Евстафий Волович и витебский каштелян Павел Пац. Явившись в Варшаву на сейм³⁹, они самым решительным образом вооружились против слухов о каких-то соглашениях Литвы с Москвой. По их словам, переговоры с Иоанном велись для того, чтобы возбудить в нем надежду на возможность утвердить так или иначе свое владычество над Литвою и таким образом удержать его от враждебных действий против Литвы и Ливонии. Они говорили, что Глебович донес ложно на Литву по давнишней злобе на Ходкевича. Эти объяснения вполне удовлетворили польский сейм, и сенат, и посольскую избу. По желанию Литвы, элекция короля отложена была до весны, т. е. до того времени, когда тают снега и разливаются реки, вследствие чего вторжение в страну особенно затруднительно для неприятеля. Деятельность литовской дипломатии увенчалась полным успехом. Но ей предстояла задача еще труднее – склонить Иоанна к продолжению перемирия. Царь угрожал, что если Речь Посполитая изберет в короли французского принца, тогда он будет промышлять над Литвой. А сейм как раз начал склоняться на сторону французской кандидатуры, Ввиду этого опасность со стороны Иоанна могла быть сильной. Однажды разнеслась даже весть, сообщенная сейму из Литвы Радзивиллом и другими вельможами, что Иоанн прислал в Полоцк своего сына с войском, что он сам следует за ним с другой армией и что таким образом Литве угрожает вторжение неприятеля. Элекционный сейм решил 29-го Апреля отправить к царю послом галицкого чашника Андрея Тарановского⁴⁰.

Kurlands. Riga, 1847. IV.

³⁷ *Hejdensztejn*, Dzieje Polski. I. 26; Тургенев, I. № CLXV и CLXVIII.

³⁸ Таковы доносы князя случского Юрия Омельковича и минского каштеля на Ивана Глебовича. *Hejdensztejn*, I. 46. *Plater*, Zbior pamietnikow III. 21 и *Chr. Varsevicii Rerum polonicarum libri III*. (*Krzysztofa Warsze wickiego niewydane pisma zebrał i wydat T. Wierzbowski*, Warszawa, 1883, стр. 26–27).

³⁹ Конвокационный сейм назначен был на 6-е января 1573 года. Гейденштейн ошибочно указывает в одном месте (I. 35) 6-е февраля, как начало сейма, но в другом месте (I. 42) он сам исправляет эту ошибку. День открытия конвокационного сейма определяется лат. рук. F. IV. 33 в Публ. Библиот. и словами грамоты, посланной литовским вельможам со съезда в Мсцибове (*K. Senkievicz*, op. cit. II. 48–49).

⁴⁰ *Orzelski*, I. 102, рук. Лат. FIV, 36, pag. 80 в Публ. Библ.

Император Максимилиан II. Портрет XVI в.

Избрание Генриха на польский престол сблизило Иоанна с императором Максимилианом II, так как оба они потерпели неудачу в Речи Посполитой. Император отправил к царю письмо, в котором жаловался «на злодейство Карла IX, истребившего более 100 000 верных подданных в день св. Варфоломея, единственно за то, что они имели свою особенную веру», говорил с негодованием о дружбе французов с султаном, который помог Генриху приобрести корону Ягеллонов, убеждал Иоанна вступить за христиан, предлагал ему взять Литву, а Польшу уступить Австрии и заключить тесный союз с империей. Царь немедленно отправил гонца к Максимилиану, убеждая его употребить все меры к тому, чтобы не пропустить Генриха

в Польшу и прося прислать поскорее послов для заключения вечного мира между Австрией и Россией. «Мы все будем стараться о том, – писал Иоанн, – чтобы польское королевство и Литва не отошли от наших государств; мне все одно, мой ли, твой ли сын сядет там на престол»⁴¹.

При таких обстоятельствах приходилось исполнять свое поручение Тарановскому, что, конечно, миссию его делало весьма затруднительною. Польского гонца сопровождал известный уже нам литовский гонец Федор Зенкович Воропай. И сам Тарановский добровольно отправлялся только в качестве гонца. Он хотел действовать так, как будто бы он везет лишь письмо к Иоанну, а великое посольство идет вслед за ним.

Посланцы переехали границу московского государства 19-го июня. Их приняли здесь весьма радушно. Велижский воевода сопровождал их до Новгорода, где тогда был Иоанн и по обыкновению старался выведать от гонцов побольше вестей о том, что происходит в Речи Посполитой. Хитрый Поляк прикидывался сторонником московского царя, отделялся от привязчивого любопытства воеводы и приставов заявлениями, что много обывателей и Польши, и Литвы желают иметь своим государем Иоанна, предлагал свои услуги царю и таинственно намекал, что имеет весьма важные словесные поручения, которые может сообщить только самому государю.

Иоанн принял Тарановского и Воропая весьма ласково, пригласил их к своему столу и щедро угощал. А затем 12-го июля расспрашивал Тарановского, почему и на каких условиях избран французский королевич и почему не избрали его, Иоанна, или его сына, или, наконец, Максимилианова сына. Тарановский дал такой ответ. Сейм с великим сожалением отказался от выборов Иоанна, и только потому, что царь не пожелал прислать, подобно другим государям, своих послов на сейм и таким образом показывал вид, как будто он не хочет приобретать польской короны. Разошелся было слух, что на сейм едет великое посольство от царя, вследствие чего сейм шесть недель провел под Варшавою, не приступая к выборам короля, так как питал надежду на скорое прибытие посольства. Посылали даже двух гонцов, одного по направлению к Полоцку, а другого к Витебску, чтоб узнать от пограничных воевод и старост, едет ли посольство или нет. И когда гонцы принесли известие, что царь посла не пришлет, тогда только сейм приступил к выборам.

Ждать же дольше не было уже никакой возможности. Возле Варшавы собралось с лишком сто тысяч человек, вследствие чего явилась потребность в громадном продовольствии. Дело дошло, наконец, до того, что в окрестных деревнях нельзя было достать ни овса, ни сена, ни травы, ни соломы, нельзя было приобрести съестных припасов даже за деньги. Поэтому пришлось поскорее начинать и кончать выборы. Сын императора и сын самого Иоанна не избраны за молодостью лет. Но если бы сам царь приехал управлять Польшей, тогда получил бы престол Речи Посполитой и сын его Федор. Ибо уже назначены были даже те лица, которые должны были учить его языкам польскому, немецкому, итальянскому и латинскому.

Королевич французский избран, но с таким условием, – намекал ловкий гонец, – что есть еще возможность занять польский престол и самому Иоанну. Французскому королевичу назначен срок приезда в Польшу – день св. Мартина (11-го ноября). Не приедет к этому сроку – и Поляки вольны выбрать другого государя.

А приехать ему трудно, потому что придется ему совершить путешествие или по морю, или через враждебную немецкую страну. К Иоанну же собирается ехать вскоре из Польши торжественное посольство, которое уладит несомненно недоразумения, вызванные отчетом посла Гарабурды. Он донес Полякам и Литовцам, будто царь в беседе с ним заявил, что отпускать сына своего Федора царствовать в Речи Посполитой на условиях, представленных Гарабурдою, не желает. «Сын мой не девка, – сказал будто бы царь, – и я приданого за ним не дам, не уступлю ни Полоцка, ни Смоленска, ни Ливонии; напротив того, пусть Речь Посполитая отдаст

⁴¹ Оржельский называет его только Федором, но фамилию его мы узнаём из письма Иоанна.

мне Киев. Если Федор будет королем, то другому роду уже не царствовать в Речи Посполитой». Эти выражения и другие оскорбили сенаторов Польши и Литвы. Но так как словам Гарабурды никто не верит, то все может хорошо окончиться.

Услышав объяснения Тарановского, Иоанн перестал гневаться на Ляхов, считая причины, вследствие которых они избрали королем французского принца, основательными; по его мнению, поведение Поляков по отношению к нему было вполне корректное, и напутали только Литовцы⁴².

Иоанн поверил объяснениям Тарановского, стал питать надежду на возможность своего избрания в польско-литовские короли и вследствие этого заключил с Речью Посполитой перемирие еще на один год⁴³, вопреки советам цесарского посла Павла Магнуса, который был в это время у Иоанна⁴⁴.

Вместе с тем Иоанн поспешил принять меры, направленный к тому, чтобы Генрих не был пропущен в Польшу. С этой целью он сблизился с императором, как об этом мы уже выше говорили, с этою же целью он вошел в сношения с дружественным себе королем Дании. В письме к последнему он просил не пропускать Генриха через пролив Зунд ни из Франции в Польшу, ни назад, обещая за эту услугу отдать всю Ливонию его брату Магнусу и даже самому датскому королю, если у Магнуса не будет потомства⁴⁵.

Перед Поляками Иоанн так оправдывал свой образ действий. К нему приезжали Федор Зенкович Воропай и Михаил Гарабурда, которые вели с ним переговоры об условиях, на каких он может занять престол Речи Посполитой, а потому он считал уже дело порешенным и вследствие этого на элекционный сейм послов своих и не посылал. При этом он выражал надежду, что в том случае, если Генрих не прибудет к установленному сроку, Поляки пожелают иметь его своим государем, и обещал отправить для переговоров об условиях его избрания послами ивангородского наместника и своего ближнего дворянина Михаила Васильевича Колычева да дьяка Петра Ерша Михайлова⁴⁶.

Вместе с тем Иоанн понял, что главными виновниками неудачи, постигшей его, были литовские вельможи. Они присылали к нему Гарабурду лишь с той целью, чтобы выведать его намерения, а совсем не для того, чтобы договориться об условиях избрания его на польско-литовский престол; он беседовал с послом по душе, без всякого лукавства, но и тайно, а они оповестили весь мир и планы его расстроили⁴⁷.

К ведению мирной политики по отношению к Речи Посполитой побудили Иоанна также и неблагоприятные вести, шедшие с востока и с театра войны против Шведов. В казанской и астраханской области произошло возмущение Черемис и Татар, которое принудило царя направить вооруженные силы государства в эту сторону и сохранять мир на западной границе⁴⁸. Кроме того, поражение, которое русские воеводы потерпели от Шведов близ Лоде, сделало Иоанна миролюбивее: он начал переговоры со шведским правительством о заключении мира⁴⁹.

Поверив заявлению Тарановского о том, что избрание его королем еще возможно, Иоанн отправил в Польшу посольство, но оно было задержано в Литве до тех пор, пока не соберется вальный сейм⁵⁰. Очевидно, это был только предлог; послы же были задержаны нарочно литов-

⁴² Это мнение Иоанна, сообщаемое Тарановским, подтверждает сам Иоанн в своем письме.

⁴³ Рассказ самого Тарановского (см. прибавление III) о посольстве совпадает с рассказом Оржельского (I, 154–156).

⁴⁴ Тургенев, I, 247, № CLXXIII.

⁴⁵ Письмо Тарановского и Оржельский (I, 156).

⁴⁶ См. письмо Иоанна к польским сенаторам; почти то же говорит и Оржельский, I, 178–179.

⁴⁷ Письмо к литовским вельможам.

⁴⁸ Соловьев, II, 259. Акты, относящиеся к ист. Зап. Рос. т. III, 164–165, № 58 и письмо Тарановского (прибавл. III).

⁴⁹ См. летопись Рюссова в Сборнике материалов и статей по ист. Прибалтийского края. Рига. 1880, III, 219–221 и Соловьев, II, 259.

⁵⁰ Тургенев, I, 249–250. №№ CLXXV и CLXXVI. Настоящие имена послов узнаём мы из письма Иоанна (см. прибавление

скими вельможами с тою целью, чтобы продлить время до тех пор, пока не прибудет в Польшу Генрих⁵¹. Так действительно и случилось. Тогда Иоанн отозвал своих послов назад⁵².

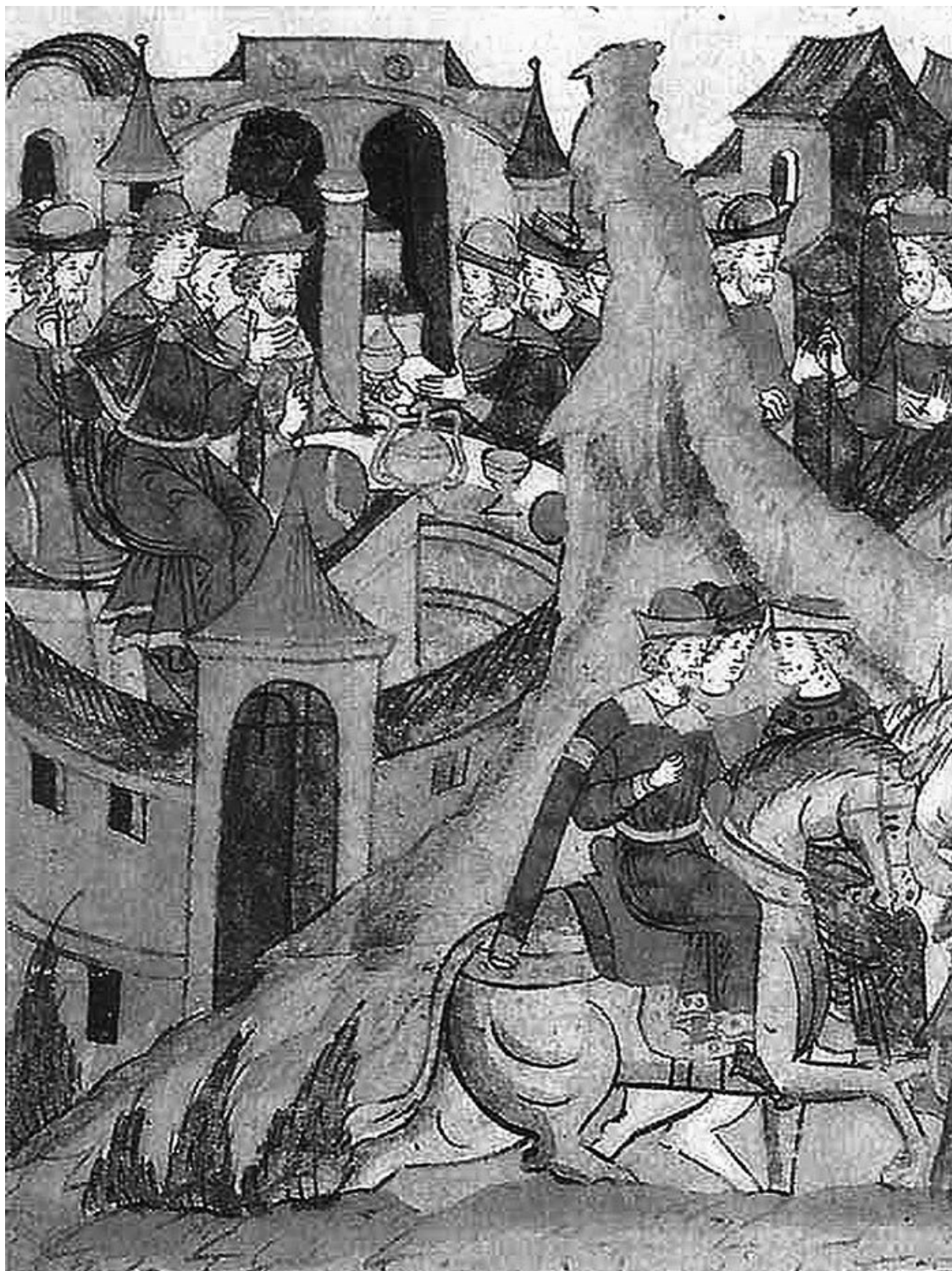
Иоанн сохранял с Речью Посполитой мир и в царствование Генриха, потому что принуждали его к этому обстоятельства: со Шведами происходила по-прежнему война; кроме того, весной 1574 года стало угрожать московскому государству новое нашествие крымских Татар, так что необходимо было стянуть на берега Оки многочисленную войска⁵³.

И): это были ближний дворянин и наместник ивангородский Михаил Васильевич Колычев и дьяк Петр Ерше Михайлов. У Тургенева имена эти переданы в искаженной форме.

⁵¹ Оршанский староста Филон Кмита так выражался о посольстве Тарановского: «пан Тарановский не Литвы, але только своею одной жаловал шкуры, да на святого Михаила онного тирана за короля взяти обещал» (Акты Зап. Рос. III, стр. 179).

⁵² Акты Зап. Рос, т. III, стр. 165.

⁵³ См. донесения Филона Кмиты. Акты Зап. Рос, III, 166–179.

Иван Грозный посылает послов в Литву. Миниатюра XVI в.

К Генриху был отправлен царем гонец Федор Елизарьев сын Елчанинов⁵⁴; ему было поручено взять у короля опасную грамоту для послов, которых царь намеревался отправить к королю для поздравления его с восшествием на престол⁵⁵. Но царский гонец не застал уже

⁵⁴ По словам Кмиты, гонец должен был прибыть к границам Речи Посполитой 9-го июня, см. Акты Зап. Рос, III, стр. 170.

⁵⁵ *Тургенев*, I, № CLXXVII и CLXXVIII. Данные, имеющиеся в источниках, не дают нам возможности понять причины, вследствие которых Иоанн отозвал послов, отправленных в Литву еще до приезда Генриха и почему они были заменены гонцом. Эти послы, возвращаясь из Литвы, находились в Смоленске еще в мае, см. Акты Зап. Рос, III, 170. Оржельский

в Польше Генриха: в ночь с 18-го на 19-е июня он убежал из Кракова во Францию, опасаясь, что Поляки не отпустят его туда, для того чтобы занять престол, который освободился после смерти его брата Карла IX⁵⁶.

Сенат Речи Посполитой отправил к царю Варфоломея Завадского и Матвея Протасовича⁵⁷ известить его о возведении Генриха на престол и одновременно же об отъезде его во Францию и вместе с тем просил о продолжении перемирия еще на два года, на что Иоанн немедленно дал свое согласие. Литовско-польский престол снова был свободен и Иоанн снова мог питать надежду на мирное разрешение спора из-за Ливонии, так как опять являлась возможность приобрести корону Речи Посполитой.

Правда, царь заявил, что он желает сноситься только с самим королем, а не с сенаторами Речи Посполитой, но, очевидно, это была только простая дипломатическая вежливость, уместная к тому же и потому, что Иоанн не был еще уверен в бесповоротности отъезда Генриха⁵⁸.

Кроме того, у Иоанна был еще, конечно, и иной умысел: выгадать время и через своих послов разузнать лучше положение Речи Посполитой.

Елчанинов явился на конвокационный сейм, созванный в Варшаву на 24-е августа, но отказывался править посольство, заявляя, что у него письмо к самому королю, что он имеет поручения только к некоторым сенаторам, архиепископу, краковскому епископу, краковскому воеводе Фирлею, сандомирскому воеводе Зборовскому и серадзскому воеводе и что он будет говорить только с этими лицами⁵⁹.

Между тем Иоанн узнав о бегстве Генриха, выслал в Польшу к Елчанинову гонца Петра Давыдова с инструкцией, как Елчанинов должен действовать в Речи Посполитой при новых обстоятельствах. Этот гонец вез, вероятно, письма и к некоторым вельможам Речи Посполитой: по крайней мере, таковы были слухи⁶⁰. Мало того, Иоанн поспешил отправить послов, которые остановились недалеко от литовской границы, поджидая в Дорогобуже возвращения Елчанинова, чтобы следовать затем дальше в пределы Речи Посполитой⁶¹.

Расчеты Иоанна могли вполне оправдаться. Приверженцы его в Польше и Литве были весьма многочисленны. Волынь, Мазовия, Великая Польша, значительная часть Литвы и Украины желали видеть его на литовско-польском престоле, но аристократия светская и духовная, польская и литовская, всеми мерами противилась его избранию. Когда Елчанинов из Польши отправился в Литву и остановился здесь на долгое время, заявляя, что царь приказал ему ждать возвращения короля, литовские вельможи сильно встревожились. Понимая, что заявления царского гонца один только предлог, для того чтобы прикрыть настоящую цель столь продолжительного пребывания в Литве, именно желание ознакомиться хорошенько с ее состоянием и подготовить почву для успешного исхода выборов царя или его сына, они учредили над московским гонцом самый бдительный надзор и старались стеснить свободу его действий⁶².

свидетельствует (I, 281), что на коронационном сейме был уполномоченный от Иоанна и что он остался недоволен тем ответом, который получил на свое посольство. Что это за уполномоченный, трудно сказать.

⁵⁶ Федор Елизарьев был в Орше 20-го июня, см. Акты Зап. Рос. III, стр. 173.

⁵⁷ Завадский и Протасович были в Орше от 28-го до 31-го июля ib. III, стр. 173. Иоанн принимал их в Старице в половине августа ib. III, стр. 176.

⁵⁸ Перемирие было заключено от дня Успения Богородицы 1574 г. до Успенева дня 1576 г. см. Тургенев, I, № CLXXVII и CLXXVII.

⁵⁹ Посол прибыл в Варшаву 7-го сентября: см. *Ф. Вержбовский*, Викентий Лаурео и его неизданные донесения кардиналу Комскому. Варшава, 1887, стр. 87–88. О таком заявлении посла говорят Оржельский (II, 40) и Лаурео (стр. 91). См. также *W. Zakrzewski*, Po ucieczce Henryka. Krakow. 1878; стр. 227–228.

⁶⁰ Акты Зап. Рос., III, стр. 177.

⁶¹ Они находились в конце сентября в Дорогобуже, ib. стр. 177.

⁶² *W. Zakrzewski*, op. cit., стр. 227–228.

Виленский воевода Радзивилл и Ян Ходкевич устроили такую стражу на границе Польши и Литвы, что сношения Поляков с Москвой были невозможны⁶³.

Такой образ действий литовских вельмож вызывал среди польской шляхты негодование, которое особенно сильно обнаружилось по следующему поводу. У одного шляхтича, Христофора Граевского, отправлявшего свои товары в Москву, Иоанн велел отобрать их в казну за то, что не была уплачена какая-то пошлина. Тогда собственник транспорта поехал сам в Москву, чтоб похлопотать о возвращении своего имущества. Иоанн приказал позвать его к себе, расспрашивал его о том, не задержан ли его гонец в Польше, и дал ему отвезти на родину следующие поручения. Он желает соединить свое государство с Польшею такими же узами, какими Ягелло соединил Литву с ней.

Он готов отказаться даже от своей веры и перейти в иную, если только на публичном диспуте будет доказано превосходство последней. В Польшу он явится с небольшой свитой, чтоб договориться относительно условий, на каких он согласен принять корону, если ему будет прислана соответственная опасная грамота. Он убежден, что Поляки позволят ему свободно возвратиться назад в Москву согласно опасной грамоте. Тогда между Польшей и Москвой утвердятся вечный мир и союз. Эти обещания со стороны Иоанна, весьма заманчивые для польской шляхты, были, очевидно, дипломатической уловкой с целью усилить еще более расположение к себе своих сторонников в Речи Посполитой. Граевский повез эти предложения в Польшу, но в Дисне, по приказанию виленского воеводы, он был схвачен и заключен под стражу. Об этом насилии польская шляхта узнала случайно из письма, которое заключенный переслал своему брату⁶⁴.

⁶³ *Orzelski*, II, 112–113.

⁶⁴ *Orzelski*, II, 115–117. *Ф. Вержбовский*, Викентий Лаурео, стр. 245, 251. *Ф. Уманец* (Русско-литовская партия в Польше 1574–1576, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875, декабрь, стр. 264) считает письмо апокрифическим. «Очевидно, что это письмо было или написано в Стенжице от имени Граевского, т. е. было подложно, или было написано самим Граевским и заключало в себе заведомую ложь. При всей непоследовательности Ивана Грозного, он не мог настолько увлечься польской короной, чтобы присоединить к ней свое родовое московское государство на тех же условиях, на каких Ягелло присоединял некогда Литву. Невероятно также, чтобы при переговорах о польской короне он согласился обойти дипломатический этикет, т. е. избрать в посредники случайно захватившего в Москву польского шляхтича. Вся фабула письма Граевского придумана, по всей вероятности, только для того, чтобы заинтересовать сейм его особой и вызвать ходатайство об его освобождении». То, что говорит историк, было бы, пожалуй, и основательно, если бы он не забыл объяснить нам, за что Литовцы посадили Граевского в заключение и что это было за подозрительное в глазах Ходкевича письмо, которое Граевский привез из Москвы, за которое он именно и угодил в тюрьму и которого Ходкевич не показал шляхте (*Orzelski*, II, 150).

Генрих III Валуа

Мер, направленных к тому, чтобы прервать всякие сношения с Москвою, литовским вельможам казалось мало. Они готовы были посягнуть даже на жизнь московского гонца.

Конвокационный сейм назначил бежавшему королю Генриху срок для возвращения – 12-е мая 1575 года, определив, что если он к этому сроку не возвратится, то сейм, который соберется к этому дню в городе Стенжице, приступит к избранию нового короля⁶⁵.

Срок этот прошел, а Генрих не возвратился, вследствие чего в назначенный день открылись совещания стенжицкого съезда. Тогда поехал сюда Елчанинов, чтоб сообщить съезду поручения, данные ему царем. Эта поездка вызвала большое беспокойство среди литовских вельмож. Они готовы были отравить его, лишь бы только он не явился в Стенжицу.

Опасения вельможества были совершенно основательны. Шляхта ожидала московского гонца с величайшим нетерпением, надеясь на то, что он привезет с собой предложения, которые обеспечат польско-литовскую корону за царем. Шляхта выслушала заявления гонца с напряженным вниманием и при полнейшей тишине, но разочаровалась в своих ожиданиях. Гонец заявил только, что царь желает получить ответ на письмо, которое он послал еще в 1573 году вместе с Гарабурдой, и узнать мнение о предложениях, сделанных в этом письме⁶⁶.

На это заявление гонца решено было дать ответ позже⁶⁷. Переговоры умышленно стали затягиваться, чтобы только выиграть время. Мало того, аристократы пустили в ход свои прежние дипломатические уловки, стали уверять царя притворно в своей преданности и в желании избрать его королем. Гнезненский архиепископ Яков Уханский, глава Речи Посполитой во время безкоролевья и сторонник Генриха Валуа⁶⁸, сообщил Елчанинову образцы грамот, какие царь должен прислать к духовенству, вельможам, ко всему рыцарству и к каждому вельможе в отдельности. Поляки и Русские, писал архиепископ, будучи одного племени славянского или сарматского, должны, как братья, иметь одного государя. Виленский каштелян Ян Ходкевич, известный своей непримиримой враждой к Иоанну⁶⁹, явился однажды тайком, ночью, на свидание к московскому гонцу и заявил ему, что вся Литва только и ждет к себе царя на государство, причем он изложил те условия, на каких могло бы состояться избрание Иоанна. Трудно, говорил хитрый вельможа, принять литовцам условие наследственности короны в потомстве царя; трудно также отступить им от Киевской и Волынской земель, которые царь хочет присоединить к своему государству; наконец, трудно им согласиться и на то, чтобы царя венчал московский митрополит. Но если Иоанн откажется от этих требований, выбор его обеспечен⁷⁰. Преданность Литвы царю так была велика, по словам Ходкевича, что царь может отправить посольство в Литву и без опасной грамоты⁷¹.

⁶⁵ Orzelski, II, 45.

⁶⁶ Orzelski, II, 112.

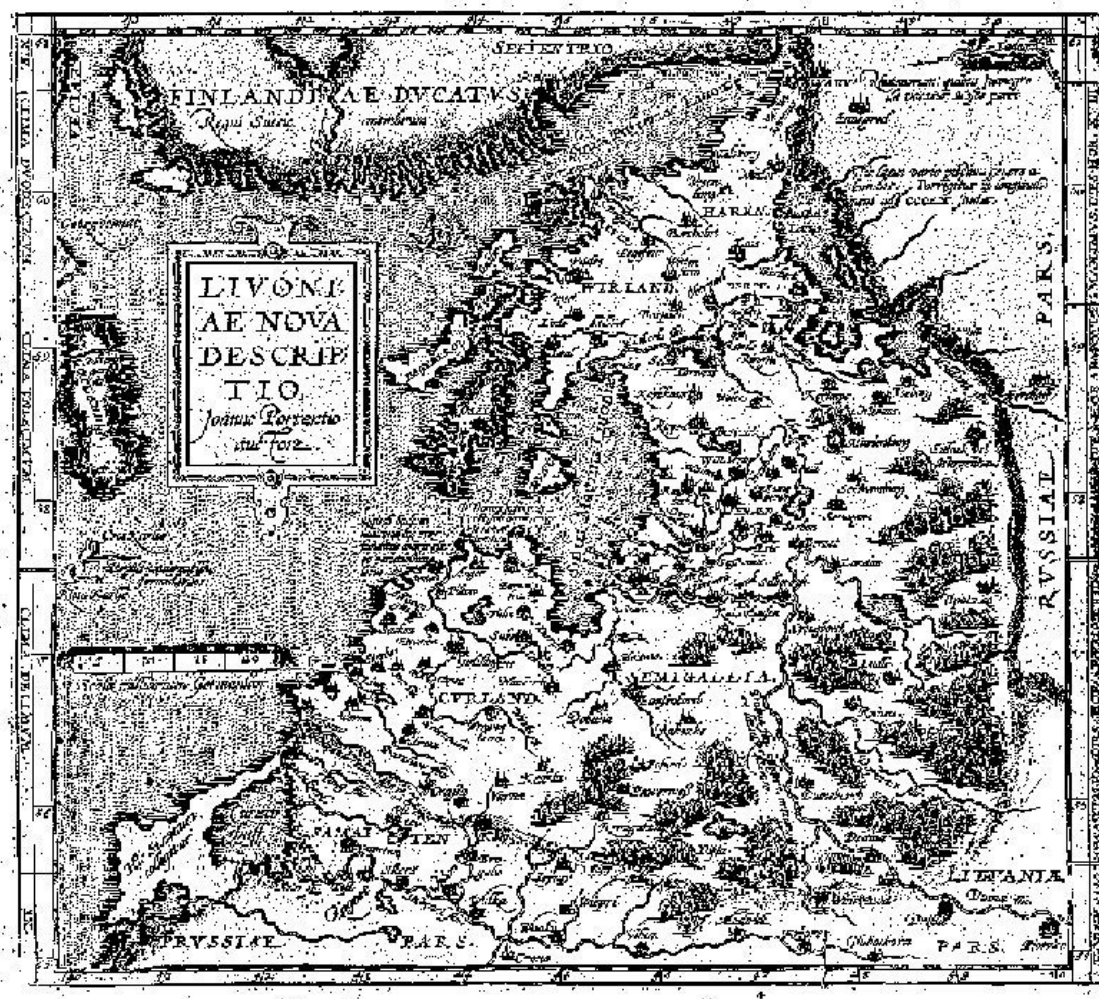
⁶⁷ Ф. Верещаговский, Викентий Лаурео, стр. 202. Аудиенция происходила 23-го мая.

⁶⁸ W. Zakrzewski, Po ucieczce Henryka, стр. 134; T. Wierzbowski, Jakob Uclianski, 556.

⁶⁹ Orzelski, II, 113.

⁷⁰ Щербатов, V, ч. 2-я, стр. 364; Соловьев, II кн., ст. 247.

⁷¹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, изд. при упр. Вил. учебн. окр., т. IV, № 14.

Карта Ливонии. Антверпен 1573–1598 гг.

Ходкевич прибегал к подобного рода дипломатическим уловкам, чтобы отвратить опасность со стороны московского государства от Ливонии, которой он управлял. На верность этой страны Речь Посполитая не могла вполне положиться, как мы видели уже выше. В описываемый нами момент многие Ливонцы готовы были подчиниться Магнусу, который снова, при поддержке Иоанна, вел войну со Шведами, чтобы приобрести себе шведскую часть Ливонии; Ливонцы надеялись, что единоплеменный с ними государь выручит их родину из того бедственного положения, в котором она находилась⁷².

Как бы в оправдание опасений за судьбу Ливонии, в Польшу пришло известие, что Магнус, имея в своем распоряжении московское войско (12 000 человек), завладел городом Перновом, принадлежавшим Речи Посполитой. Противники кандидатуры Иоанна увидели в этом действии царя результат уговора с его сторонниками в Литве и Польше; они думали, что эти последние посоветовали ему подействовать на своих врагов угрозой, чтобы провести свою кандидатуру⁷³. Вследствие этого тревога еще более усилилась.

Чтобы затянуть переговоры, сенаторы Речи Посполитой не дали Елчанинову опасной грамоты для царских послов и оправдывались перед царем тем, что многие из них уехали со стенжицкого съезда, на котором присутствовал московский гонец. Важнее всего было для них

⁷² Orzelski, II, 79.

⁷³ Вержбовский, Вик. Лаурео, стр. 238, № 65.

сохранение мира; об этом они и просили Иоанна в грамоте, которую они послали к царю через Елчанинова⁷⁴.

К образу действий вельмож Речи Посполитой Иоанн отнесся недоверчиво⁷⁵; однако вести, сообщенные Елчаниновым, укрепили в нем надежду на то, что выбор его в короли возможен. Вследствие этого он отправил к сенату Речи Посполитой гонца Семена Бастанова, чтоб взять опасную грамоту для посольства, которое царь намеревался отправить в Польшу⁷⁶.

Кандидатура Иоанна могла иметь полный успех. Польская и литовская шляхта и после стенжицкого съезда относилась весьма сочувственно к кандидатуре царя⁷⁷, так что папский нунций, отстаивавший интересы австрийского двора, готов был поддерживать эту кандидатуру, ибо у него мелькнула мысль о возможности обращения Иоанна в католичество, когда царь сделается королем Речи Посполитой⁷⁸; аристократия же по-прежнему готова была употребить все средства, чтобы посольство Иоанна не явилось на избирательный сейм⁷⁹.

Кроме того, успеху царя вредила излишняя осторожность, медленность и неопределенность его политики. Шляхта, собравшаяся на избирательный сейм в Варшаву (7-го ноября), ожидала московского гонца с большим нетерпением⁸⁰. Когда она узнала, что он уже едет, она устроила ему торжественную встречу, выслав для приветствования его делегацию из 10 человек, чтоб выразить свое расположение к царю⁸¹.

Когда гонец прибыл, наконец, на сейм (17-го ноября) и заявил, что у него, кроме письма, нет никаких других поручений от его государя, сеймовые маршалы приказали ему удалиться. Но шляхта стала кричать, чтобы гонец остался, сел и подождал до тех пор, пока письмо его не будет прочитано, ибо все послы имеют на это право. Вследствие этого маршалы должны были указать место гонцу, хотя и сделали это с большим неудовольствием⁸².

В письме Иоанн жаловался, что послов и гонцов его задерживают в Речи Посполитой и поздно отпускают назад, заявил, что будет соблюдать мир с Литвою и Польшею, за исключением Ливонии, относительно которой он поведет особенные переговоры, и обещал прислать посла, но не великого посла, а меньшего⁸³.

⁷⁴ Акты Зап. Рос. III, стр. 182–184, № 60. Пометка документа датой 1574 г. неверна, так как Елчанинов уехал из пределов Речи Посполитой в самом конце мая или в июне 1575 года. Эти посольские речи московского государя передавал панам Речи Посполитой посланник Лука Захарьевич Новосильцов, а он уехал из Москвы в августе 1575 г. (см. *Бантыш-Каменский*, *op. cit.*, стр. 145).

⁷⁵ В верительной грамоте, данной гонцу Бастанову, Иоанн так выражается: *Nos quidem et nuntios ac internuntios ad vos mittimus, sed vos, Domini Consilarii, internuntios et nuntios nostros ad vos non recipitis* (Тургенев, I, стр. 269), а в письме к Ходкевичу от 21-го августа 1575 года так говорит: ...а что еси говорил гонцу нашему Федору Елчанинову хотя нашим послом и посланником и без опасные грамоты ехати в государство в великое княжество Литовское – ино им дорога чиста и тому статись невозможно, что нашим послом и посланником без опасные грамоты к вам идти, потому во всех государствах повеления, что послы и посланники из государства в государства ходят по опасным грамотам, а без опасные грамоты над послы и посланники что ся сделает, того чем встречати... (Археограф, сборн. докум., относящихся к ист. Северо-Зап. Руси, IV, № 14). То же самое почти царь приказывал сказать и Новосильцову (Акты Зап. Рос. III, № 60).

⁷⁶ Щербатов, *op. cit.* т. V, часть 2-я, стр. 365; Тургенев, I, стр. 268, № CLXXXIII. Верительная грамота Бастанова носит дату 12-го июля 1575 года.

⁷⁷ Об этом очень часто говорит папский нунций Лаурео, см., напр. *Вержбовский*, В. Лаурео, стр. 245.

⁷⁸ *Ib.*, стр. 257.

⁷⁹ *Ib.*, стр. 250–251.

⁸⁰ Orzelski, II, 211.

⁸¹ *Вержбовский*, В. Лаурео, стр. 285; Hejdonsztejn, I, 188 (польский перевод).

⁸² Orzelski, II, 212.

⁸³ Щербатов. *Op. cit.* т. V, ч. 2-я, стр. 365; Тургенев, I, 268, № CLXXXIII, Orzelski, II, 212; *Вержбовский*, В. Лаурео, 285.

Стефан Баторий. Гравюра XVI в.

Эти заявления сильно охладили настроение шляхты: она снова обманулась в своих ожиданиях, и число сторонников царя сразу очень уменьшилось⁸⁴.

Пока Иоанн собирался только еще выступить кандидатом на престол Речи Посполитой, здесь произошли уже выборы короля, но выборы двойные: аристократия провозгласила королем германского императора Максимилиана II, шляхта – седмиградского воеводу Стефана Батория. Вследствие этого возможность приобрести польско-литовскую корону продолжала существовать для Иоанна. Двойная элекция вызвала в Речи Посполитой неуверенность и колебание: та и другая партия опасались за успех своих избранников. Пока партии вели переговоры с ними о принятии условий, на которых отдавалась им корона Речи Посполитой, время уходило и были моменты, когда многим казалось, что ни тот ни другой избранник не явятся в Польшу.

Приверженцы императора нарочно рассеивали ложные слухи о Батории, чтобы вызвать смуту в умах своих противников. Они говорили, например, что императорские войска взяли

⁸⁴ *Вержбовский, Лаурео, стр. 285.*

его в плен и увели в Вену⁸⁵. Вследствие этого сторонников Батория мучило сомнение, прибудет ли он к сроку, назначенному для коронации⁸⁶. Император Максимилиан II медлил принятием короны: сторонники его назначили ему срок в один месяц для прибытия в Польшу; срок этот прошел, а император продолжал вести лениво переговоры с польским посольством, отправленным к нему в Вену его партией⁸⁷.

Все это возбуждало у многих мысль, что оба избранника не прибудут в Польшу, что произойдет новая элекция и тогда выбор несомненно падет на московского царя⁸⁸. О возможности выбора сообщил Иоанну гонец Бостанов, возвратившийся из пределов Речи Посполитой⁸⁹. Но в этот момент политика Иоанна получила иное направление, оставаясь, впрочем, по отношению к Речи Посполитой так же, как и прежде, недоверчивой и неопределенной. Максимилиан II предложил царю союз против Турок с тем, чтобы Иоанн поддерживал кандидатуру его сына Эрнеста на польско-литовский престол. Царь соглашался отдать Эрнесту только Польшу, а Литву с Киевом желал присоединить к своим владениям; что же касается Ливонии, то про-должал считать ее своей вотчиной⁹⁰.

Эти переговоры возбудили у Иоанна надежду приобрести Ливонию путем мирного договора с императором.

Предлагая Максимилиану раздел Речи Посполитой⁹¹, Иоанн в то же время старался приобрести ее для самого себя и с этой целью давал литовским вельможам самые заманчивые обещания: он отказывался от Киева, на владение которым он предъявлял раньше свои права, и готов был заключить унию на тех условиях, на каких она состоялась при Ягелле. Минский каштелян Ян Глебович, которому московский гонец сделал подобного рода заявление, отнесся к ним недоверчиво, однако заинтересовался ими и сообщил о них Ходкевичу, как о деле, достойном внимания и обсуждения⁹².

Такие же тайные переговоры Иоанн вел и с польскими вельможами. Гонцу наказано было явиться непременно прежде всего к гнезненскому архиепископу, что совершенно понятно, так как царь, на основании прежних сношений с ним, считал его одним из главных своих сторонников. Гонец, прибыв в Лович, резиденцию архиепископа, не желал ехать дальше в Краков, чтобы здесь в собрании польских сенаторов сделать заявления от имени своего царя, под тем предлогом, что так как в государстве нет короля, то он считает только архиепископа главою государства и получил приказание править свое посольство только там, где будет присутствовать архиепископ⁹³.

Когда гонцу была дана у архиепископа аудиенция, он потребовал опасной грамоты для главного посла, которого царь желает в возможно скором времени отправить в Польшу⁹⁴.

Очевидно, через этого гонца Иоанн хотел выведать состояние Речи Посполитой на случай войны с нею в союзе с Максимилианом для осуществления того плана, который он пред-

⁸⁵ Orzdzki, III, 112.

⁸⁶ Ib., III, 128.

⁸⁷ Т. Wierzbowski, Jakób Uchański, стр. 579, 584.

⁸⁸ Ф. Вержбовский, Викентий Лаурео, 378, 390 и др.

⁸⁹ Соловьев, II, стр. 251.

⁹⁰ См. посольство Кобенцеля и Принца (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I, 481–567).

⁹¹ См. об этом вопросе также Al. Kraushar, Olbracht Łaski, wojewoda sieradzki, Warszawa-Kraków, 1882, II, 123–124.

⁹² Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, t. XI (Acta Stephani regis 1576–1582), стр. 3, № III.

⁹³ О. Вержбовский, Викентий Лаурео, стр. 374 – и того же автора Отношения России и Польши в 1574–1578 годах по донесениям папского нунция В. Лаурео (Журн. Мин. Нар. Пров., август, 1882, стр. 224).

⁹⁴ Ф. Вержбовский, Отношения России и Польши, 1. с, стр. 225.

лагал императору⁹⁵, и вместе с тем узнать, окончательно ли исчезли его шансы на престол Речи Посполитой или можно попытаться еще счастья.

Так действовал он в своих тайных переговорах с литовскими и польскими вельможами. Явно же он рекомендовал Полякам избрать королем эрцгерцога Эрнеста, угрожая им войною, если они не подчинятся его желанию⁹⁶. Предложения царя литовцам были несколько иные: он выражал желание быть у них великим князем, отдавая польскую корону Эрнесту, а если Литва не хочет отделиться от Польши, советовал и Литве избрать австрийского эрцгерцога⁹⁷.

Такая политика не могла, конечно, возбуждать к себе доверия ни в польских, ни в литовских вельможах. Выражая полную преданность царю через посланника Новосильцева, бывшего в Литве в начале 1576 года⁹⁸, Ходкевич делал приготовления для защиты Ливонии в случай войны с царем⁹⁹. Литовский вельможа, усердный сторонник Габсбургов, разошелся со своей партией тотчас же после избрания своего кандидата, императора Максимилиана, на престол, вследствие того, что не получил от него денежных субсидий, на которые он рассчитывал, и перешел на сторону Батория, привлеченный золотом его приверженцев¹⁰⁰. С этого момента он стал действовать в Литве в пользу трансильванского воеводы.

Пока Иоанн вел дипломатические переговоры на два или даже на три фронта, в Польшу явился Стефан Баторий и с первых же шагов проявил замечательную решительность, быстроту и энергию. Он прибыл в Краков 22-го апреля, а 1-го мая был уже коронован королем. Своим характером он произвел на поляков самое лучшее впечатление. Умеренность, приветливость к окружающим, энергичность в словах и действиях, рассудительность, дар красноречия, образованность и в особенности отличное знание латинского языка – все это сразу очень понравилось его новым подданным¹⁰¹. В новой, незнакомой для себя обстановке, он, иностранец, сумел скоро ориентироваться и справиться с затруднениями, которые были немалочисленны и немаловажны. Государству отовсюду угрожала опасность. Хотя между Турцией и Речью Посполитой и существовал мир, но он во всякое время мог быть нарушен запорожскими казаками, которые производили опустошительные нападения на турецкие земли. К тому же, южные области находились в постоянной опасности со стороны Татар, которые своими набегами, точно саранча, уничтожали ежегодно плоды человеческого труда. Великий магистр тевтонского ордена, не прекращавший предъявлять притязаний на свои бывшие владения, мог легко воспользоваться затруднительным положением государства, чтоб возвратить себе свои потери, и это тем легче, что германский император, соперник Батория, мог оказать ему поддержку. Даже такое отдаленное государство, как Дания, в состоянии было причинить немало хлопот Речи Посполитой. Но самым опасным врагом был, конечно, московский царь, для которого Ливония составляла уже давно желанный предмет завоевательных стремлений, в случае осуществления которых возросшее могущество московского государства могло сделаться грозным для самого существования Польши. Эти внешние опасности усугублялись еще и вследствие того, что внутри государства царили анархия и раздоры. Не все области Речи Посполитой признавали Батория своим королем. Литва заняла по отношению к Польше враждебное положение: представители Литвы не присутствовали на коронации нового короля. Можно было думать, что число сторонников Максимилиана весьма значительно и что с ними предстоит упорная борьба, которая казалась тем опаснее, что императору могла оказать помощь империя.

⁹⁵ Al. Kraushar, op. cit., стр. 124.

⁹⁶ См. грамоту Иоанна к польским вельможам в январе 1576 г. (Щербатов, op. cit., т. V, ч. 4-я, стр. 160–163, № 25 и Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, I, 574–578).

⁹⁷ Щербатов, op. cit., т. V, ч. 4-я, стр. 163–169, № 25, и Памятники дипломат. снош., I, 578–584.

⁹⁸ Соловьев, II, 255.

⁹⁹ Ф. Уманец, Русско-литовская партия в Польше (Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь, 1875, стр. 269).

¹⁰⁰ Ф. Вержбовский, В. Лаурео, стр. 332.

¹⁰¹ Orzelski, t. III, стр. 195.

К довершению всевозможных затруднений, у короля не было средств для борьбы со встречающимися препятствиями, так как казна была почти совершенно истощена¹⁰².

Во всех этих затруднениях Стефан Баторий обнаружил замечательную проницательность: своим избранием на польский престол он прежде всего был обязан влиятельному в Польше роду Зборовских¹⁰³; поэтому они надеялись на то, что заберут в свои руки государственные дела. Но они ошиблись в своих расчетах; их влияние продолжалось очень недолго. На коронационном сейме из-за должности канцлера возник сильный спор. Канцлер Дембинский был уже дряхлый старик, а потому не мог заниматься делами. Зборовские, открыто заявлявшие, что они доставили польскую корону Баторию, требовали этой в высшей степени важной государственной должности для своей семьи, чтоб еще более усилить свое влияние, и прочили на этот пост придворного маршала Андрея Зборовского. Но король назначил канцлером подканцлера Петра Кольского, а подканцлером – Яна Замойского. Последнее назначение особенно замечательно. Ян Замойский был одним из самых влиятельных вождей шляхетской партии; в лагере своих сторонников он исполнял уже должность канцлера в момент, очень важный для баторианцев, именно тогда, когда Батория не было еще в Польше. Так как канцлер и подканцлер принадлежали к партии императора, то баторианцы поручили Замойскому составить акт избрания Батория, снарядить к нему посольство и вообще иметь наблюдение за государственными делами; шляхта имела к своему вождю такое доверие, что многие, уезжая домой, оставляли ему бланки со своими подписями и печатями, разрешая ему писать на этих бланках все, что он сочтет за необходимое¹⁰⁴. Замойский оправдал доверие своей партии, и Баторий еще из Трансильвании обратил на него внимание, вступил с ним в переписку и обещал наградить его за оказанные ему услуги¹⁰⁵. Баторию, незнакомому с языком, обычаями, учреждениями Польши, необходим был помощник, сведущий во всем этом, указания которого давали бы ему возможность ориентироваться в чужой стране. Назначение Замойского подканцлером было весьма удачно: оно еще более расположило шляхту к Баторию и укрепило его положение в Польше. Послы шляхетские были так довольны этим назначением, что публично благодарили за это короля¹⁰⁶.

Баторию предстояло много хлопот, приходилось потратить еще немало энергии, чтоб окончательно упрочить свой престол в стране. Прежде всего необходимо было привести в покорность своих противников. Баторий обнаружил тут замечательный такт. Шляхта хотела принимать против врагов короля суровые меры. Баторий был иного мнения. Он полагал, что нужно действовать осторожно, соответственно тому, каков враг и в каком положении он находится. С Пруссией и Литвой необходимо было, по его мнению, вступить в переговоры и простить им все ради блага Речи Посполитой, на иных надо повлиять ласкою, к третьим отправить соглядатаев, чтоб высмотреть их положение и разом подавить всякое с их стороны сопротивление, наконец, четвертым прямо объявить борьбу и силой заставить их покориться¹⁰⁷.

¹⁰² A. Pawinski, *Źródła dziejowe*, t. VIII. (Skarbowość w Polsce i dzieje jej za Stefana Batorego), стр. 314–315.

¹⁰³ W. Zakrzewski, *Stefan Batory. Przegląd historii jego panowania*. Kraków, 1887, стр. 22–23.

¹⁰⁴ *Reinholdi Heidensteini, Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII*. 1672, стр. 92.

¹⁰⁵ Письма Батория к Замойскому из Трансильвании войдут в собрание, которое готовит к печати Краковская Академия Наук.

¹⁰⁶ *Heidensteini op. cit.* 99.

¹⁰⁷ *Orzelski*, т. III, стр. 246.

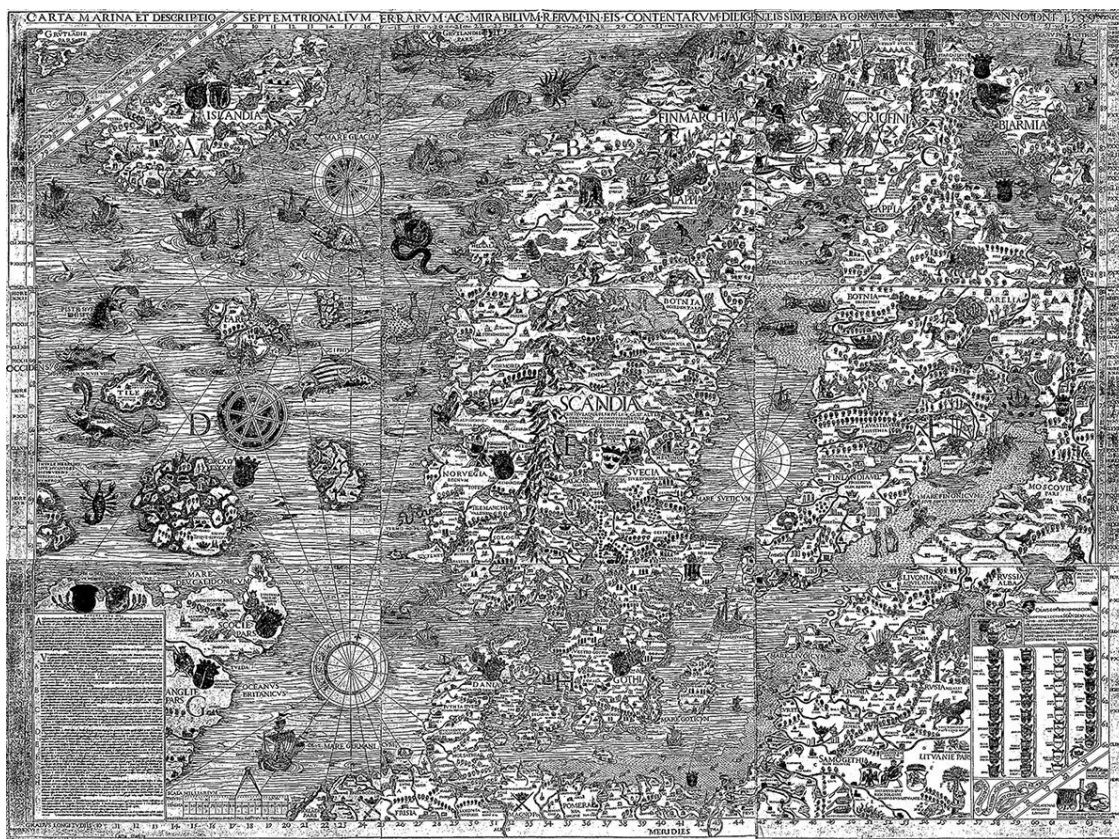
Ян Замойский. Портрет XVI в.

Баторий и стал так действовать. Главу цесарской партии, гнезненского архиепископа Якова Уханского, он хотел сначала привлечь на свою сторону переговорами и обещаниями, но когда тот вздумал было созывать своих приверженцев на съезд в Лович, свою резиденцию, Баторий заявил ему, что прибудет к нему завтракать, конечно, с вооруженной силой, и архиепископ смирился, а с ним подчинились Баторию и все приверженцы императора¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Т. Wierzbowski, Jakób Uchański, Warszawa, 1895, стр. 596–597 и Викентий Лаурео, стр. 421.

Что касается Литвы, то один из самых важных ее представителей Ян Ходкевич находился уже давно, как мы знаем, в сношениях с партией Батория. На него Баторий подействовал золотом и обещанием должности великого гетмана, на литовских вельмож – тем, что польстил их национальному тщеславию, ставя их выше Поляков. На новом съезде в Мсцибове Литва признала Батория своим королем¹⁰⁹.

С Пруссией король вступил в переговоры, но они не вполне увенчались успехом, так как город Данциг открыто против него возмутился; королю пришлось вести упорную войну, которая затянулась до конца 1577 года¹¹⁰. Эта война, потребовавшая присутствия самого короля на театре военных действий, отвлекала силы государства на запад и не позволяла Баторию действовать решительно против самого опасного врага Речи Посполитой – московского царя. Опасность с этой стороны могла угрожать немедленно. Баторий боялся даже, что Иоанн откроет враждебные действия еще до окончания срока перемирия, ибо приходили вести, что царь собирает войска с намерением вторгнуться в литовские пределы; ввиду этого король считал необходимым напомнить Литовцам о том, чтобы их посполитое рушенье было наготове отражать врага¹¹¹. Но посполитому рушенью Баторий не доверял, на успех в войне при таком способе ведения ее, как мы увидим ниже, не надеялся. Между тем срок перемирия с Москвою скоро уже истекал. Вследствие всех этих обстоятельств приходилось избирать путь дипломатических переговоров, чтобы хоть на некоторое время отсрочить неизбежную борьбу из-за Ливонии.

Карта Швеции, Ливонии и России. 1539 г.

¹⁰⁹ 3-го июня 1576 г., см. *Źródła dziejowe*, т. IV, стр. 19–22.

¹¹⁰ *Źródła dziejowe*, III, статья А. Павинского «Stefan Batory pod Gdańskiem», стр. I–LXXII.

¹¹¹ Акты Зап. Рос, т. III, 191, № 67.

Утвердив свой престол в Польше и Литве, Баторий отправил к Иоанну посланцев Юрия Грудзинского и Льва Буковецкого (12-го июля 1576 г.), чтоб известить царя о своем вступлении на престол и взять от него опасную грамоту для великих послов, которых он намеревается отправить для переговоров о заключении мира между Речью Посполитой и Москвой¹¹².

Грудзинский и Буковецкий приехали в Москву 27-го октября. Прежде чем представить их царю, им задали вопрос о происхождении Батория, объясняя, что царь желает согласно достоинству рода и сана короля поступать с его посланниками. Но посланники не захотели входить в объяснения, каково происхождение их короля и каковы его владения, говоря, что они присланы к царю польским королем и великим князем литовским.

Прием посланников состоялся 4-го ноября. Иоанн развернул при этом всю пышность, блеск и великолепие своего двора, чтоб показать Баториевым посланникам глубокую разницу между его царским величием и положением их короля, которого он считал данником турецкого султана. Иоанн сидел на троне в великолепном одеянии и мономаховой шапке, окруженный роскошно разодетыми боярами, дворянами, дьяками и иными придворными чинами. При представлении посланников царь не привстал, как того требовал обычай, и, спрашивая о здоровье Батория, не назвал его братом. Стола посланникам не было и их не сажали на скамье перед царем¹¹³. Иоанн был недоволен тем, что Баторий не давал ему царского титула, не называл его князем полоцким и смоленским и не считал его наследственным владетелем Ливонии, однако заключить перемирие согласился и дал опасную грамоту для великих послов Батория¹¹⁴.

Король был тоже недоволен царем: его оскорбило то, что Иоанн не хотел давать ему титула «брата» и принял его посланников неподобающим образом¹¹⁵. Так уже с первых шагов между Баторием и Иоанном начались недоразумения.

Иоанн не вступал пока в открытую борьбу с Речью Посполитой, потому что он не переставал еще надеяться приобрести Ливонию путем соглашения с германским императором. По трактату, который между собою заключили эти государи, Максимилиан уступал Иоанну Литву и Ливонию, оставляя за собою Польшу и Пруссию¹¹⁶. Однако этой политической комбинации не суждено было осуществиться, ибо Максимилиан II вскоре после того умер (11-го октября 1576 г.).

Баторий вел переговоры с московским царем о заключении мира и в то же время принимал меры для защиты государства от него. Он приказал литовскому польному гетману Христофору Радзивиллу поставить конные отряды в пограничных замках, в Витебске, Лепеле, Мстиславле, Орше (по 100 человек) и в Уле (50 человек) и уплатил часть жалованья на содержание этих отрядов из собственной казны¹¹⁷. Много король не мог сделать, потому что казна была пуста. Он изыскивал различные источники, чтоб раздобыть средства. Так, он поехал в Тыкоцин, чтобы осмотреть сокровищницу, оставшуюся после покойного Сигизмунда, очевидно, с намерением воспользоваться ею для удовлетворения государственных нужд¹¹⁸, но больших сумм здесь не нашел¹¹⁹. Из Тыкоцина он отправился в Кнышин, куда созвал польских и литовских вельможе, чтобы посоветоваться с ними о делах Ливонии¹²⁰. Эта страна требовала осо-

¹¹² Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского, Москва, 1843, т. II, №№ 1, 2, 3 и Acta Stephani regis, № XXVII, XXVIII и XXIX.

¹¹³ Метр. Лит., II, № 6.

¹¹⁴ Метр. Лит., II, №№ 9 и 10.

¹¹⁵ Acta Stephani regis, стр. 163 («mowiae o nas uszczypliwie»).

¹¹⁶ Вержбовский, В. Лаурео, 462.

¹¹⁷ Acta Stephani regis, 38, № XXVI.

¹¹⁸ В Тыкоцин Баторий выехал 10-го июля, см. Acta Sfehani regis, № XXVI, стр. 41, и Вержбовский, В. Лаурео, стр. 457.

¹¹⁹ Źródła dziejowe, t. VIII, (A. Pawiński, Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego), стр. 325–326.

¹²⁰ Совет был созван в Кнышине на 23-е июля. Acta Stephani regis, № XXVI, стр. 41.

бенной бдительности, так как она оставалась почти совсем беззащитной, и Ходкевич отказывался от управления ею.

Королю удаюсь уговорить его остаться администратором Ливонии, но дать значительных средств на ее защиту он не был в состоянии, потому что денег неоткуда было взять. Пришлось ограничиться пока постановкою небольших отрядов в крепостях: в Динамюнде — 160 человек, Мариенгаузе — 100, в Режице (Розитене) и Люцене по 50 и в Лемзеле — 25. Финансовое положение было до такой степени затруднительно, что нельзя было исполнить королевского приказа относительно высылки отряда в 1500 человек на границы Литвы¹²¹, ибо денег хватило только на 600 человек¹²².

Между тем внимание Батория и силы его отвлекла война с Данцигом: король счел необходимым отправиться лично в Пруссию и созвать сюда, поближе к театру военных действий, сейм в Торн¹²³, чтобы добиться от своих подданных разрешения установить новые налоги на ведение войны с Данцигом и на иные военные потребности, под которыми, конечно, подразумевались прежде всего защита государственных границ на востоке и приготовления к борьбе с московским государством.

На сейме произошел сильный разлад между королем и посольской избой. В королевских предложениях шляхетские послы усмотрели нарушение того порядка совещаний, которого сеймы должны были придерживаться согласно существующим законам, а в королевских желаниях слышали тон приказа подчиняться королевской воле, что они считали оскорблением для своей вольности. «Мы не хотим, — говорили они, — чтобы на нас низринулось ярмо, под которым нам придется говорить не о том, в чем нуждается Речь Посполитая, но о том, что нам прикажут...» Они заявили, что разрешили королю взимать налоги не «из обязанности, но из желания усилить государственную оборону» и под тем условием, что «шляхта впредь этим налогам не будет подвергаться» и что «король будет исполнять свои обязательства относительно защиты государства».

На сейме обнаружился также, по обыкновению, и сильный социальный антагонизм, вызываемый экономическими интересами. Магнаты, владельцы королевских имений, говорила шляхта устами своих сеймовых представителей, задерживают доходы, даваемые королевскими имениями, и таким образом лишают государственную казну средств и приводят ее в самое отчаянное положение. А потому все обязаны отдать казне задержанное от смерти его велич. короля Сигизмунда-Августа до отъезда короля Генриха из Польши¹²⁴.

Спор обострился еще и по следующему поводу. Баторий домогался, чтоб ему было разрешено делить на части земское ополчение, но встретил столь сильное противодействие со стороны сейма, что должен был оставить этот свой проект военной реформы. Посполитное рушенье представляло собою толпу плохо дисциплинированных, а часто и плохо вооруженных шляхтичей на конях и имело такую же цену в военном деле, как и конница служилых людей в московском государстве. Разделением его король хотел, очевидно, сделать его подвижнее и уменьшить вред, причиняемый этою громадною массою тем областям, по которым она двигалась, производя опустошения на своем пути. Шляхта отнеслась к королевскому проекту недоверчиво: она опасалась, что король, имея право делить земское ополчение, захочет ослабить ее вооруженные силы, чтоб укрепить свою собственную власть, а пожалуй, и захватить полное господство над ней¹²⁵. Непригодность шляхетской конницы для военного дела понимал

¹²¹ Acta Stephani regis, стр. 50, № XXXIII.

¹²² Ib., стр. 53, № XXXV.

¹²³ Сейм был созван на 4-е октября, но совещания начались только 19-го октября, ибо король прибыл две недели спустя после назначенная срока, см. Źródła dziejowe, VIII, 319.

¹²⁴ A. Pawinski, Skarbowość w Polsce (Źródła dziejowe, VIII, 320–324).

¹²⁵ Один из послов, Оржельский, автор замечательной истории польских безкорольев (1572–1576), прямо заявил в своей речи, что разделение посполитого рушенья повлечет за собой «celerum interitum» (очевидно, шляхты) и покажет путь в буду-

не только король, но и другие военные люди того времени. Литовские послы, явившиеся на торнский сейм, потребовали, чтобы Поляки, согласно условиям Люблинской унии, оказали помощь Литве в теперешнем ее критическом положении, когда ей угрожает сильная опасность со стороны московского царя. Поляки согласились двинуть на помощь литовцам свое посполитое ополчение; на это литовцы заявили, что оно не только будет вредно, но прямо пагубно для их родины, а потому предложенную поляками помощь отвергли¹²⁶.

Сейм разошелся без всякого результата¹²⁷, и решение вопроса об усилении государственной обороны отложено было до будущего сейма¹²⁸.

Затруднительные обстоятельства, в которых находился Баторий, заставляли его прибегать к дипломатии, чтобы хоть на короткое время отсрочить борьбу с грозным врагом на востоке. Когда Юрий Грудзинский и Лев Буковецкий возвратились из Москвы и привезли с собою опасную грамоту для великих послов, которых король собирался отправить к Иоанну, тогда снаряжено было немедленно посольство, во главе которого стали мазовецкий воевода Станислав Крыский, минский воевода Николай Сапега и дворный подскарбий литовский Федор Скумин¹²⁹. Вместе с тем Баторий строго-настрого приказал соблюдать полное спокойствие на границах с московским государством, чтобы не давать даже малейшего повода к столкновению¹³⁰.

Но дипломатия могла оказаться безуспешной. И в самом деле, на такой исход переговоров с московским царем указывали в начале 1577 года некоторые обстоятельства, и притом весьма серьезные. Жители мятежного города Данцига завязали сношения с Москвой и Татарами, чтоб получить оттуда помощь или по крайней мере поставить Батория в затруднительное положение, чего они и добились до известной степени. Царь отправил крымскому хану подарки, и Татары произвели свой обычный опустошительный набег на Волынь и Подолию. Баторий мог подозревать, что Иоанн начнет скоро войну, следовательно, весьма близок момент величайшей опасности для государства. Чтоб отразить ее, необходимо было изыскивать средства, и изыскивать поспешно. Баторий проявил при этом свою обыкновенную энергию. Он созвал на 23-е марта сенаторов в город Влоцлавок и предложил им обсудить миры, необходимые для государственной обороны¹³¹. Сенаторы посоветовали обратиться к шляхетским сеймикам непосредственно за новыми налогами и не созывать сейма, так как совещания его бывают безрезультатны. Мера, присоветанная королю сенаторами, была противна конституции, тем не менее Баторий решил испробовать ее¹³². Чтоб сильнее повлиять на умы шляхты и таким образом склонить ее к необходимым пожертвованиям на защиту государства, король изобразил печальное состояние страны самыми яркими красками. Жители Данцига не только упорствуют в своем мятеже, но производят неслыханные грабежи и насилия. Они опустошили много шляхетских имений, разрушили монастырь Оливу, намереваются уничтожить и самое имя Польши в Пруссии. Мало того, они обращаются за помощью к врагам Речи Посполитой и строят всюду против нее козни. В то же время Татары своими вторжениями в пределы государства причинили ему немало вреда. Опасность угрожает и со стороны московского царя. Речь Поспо-

ищем «ad servitutum» (см. *Bezkrólewia ksiąg ośmioro*, tom wstępny, str. 33).

¹²⁶ *Acta Stephani regis*, 62, № XLII.

¹²⁷ Немало мучили на сейме и враги Батория, вооружая против него шляхту; они начали сноситься даже с императором и подумывать о низложении Батория, см. *Hegdensztejn*, I, 262, 264.

¹²⁸ *Acta Stephani regis*, № XLII, стр. 64.

¹²⁹ О немедленном снаряжении посольства король пишет уже 3-го января 1577 года, см. *Acta Stephani regis*, стр. 64, № XLIII.

¹³⁰ *Акты Зап. Рос.* III, стр. 206, № 78.

¹³¹ *Acta Stephani regis*, стр. 79, № LIII.

¹³² *A. Pawinski*, *Skarbowość w Polsce za Stefana Batorego*, стр. 328.

литая погибнет, если не будет оказана ей помощь¹³³. Так король говорил к шляхте. Одновременно он пробовал добыть средства и из других источников. Маркграф ансбахский хлопотал о предоставлении ему опеки над душевно больным герцогом прусским Фридрихом-Альбрехтом. Король согласился исполнить желание маркграфа, но под условием уплаты 200 000 золотых. По просьбе короля, частные лица дали казне денег в ссуду. Вместе с тем Баторий решил привлечь к пожертвованиям и духовное сословие, которое освобождено было от государственных налогов и только по своей доброй воле давало иногда субсидию государству. По этому поводу собрался синод в Петрокове и желание короля было удовлетворено: синод определил дать королю субсидию, которая могла достичь суммы 70 000 золотых. Обращение к шляхте увенчалось тоже успехом. Главные провинциальные сеймики в Коле, Корчине и Варшаве установили налоги согласно положениям, определенным на люблинском сейме 1569 года¹³⁴. Прусский сеймик в Грудзиондзе увеличил побор в 200 000 золотых еще на 100 000. Сенат разрешил Баторию заложить даже коронные драгоценности¹³⁵.

Литовцы позамешкались несколько в установлении налогов, необходимых для государственной обороны, хотя опасность со стороны Иоанна была уже близка: он стянул уже свои войска в Новгород и Псков. На эту мешкотность литовцев Поляки обратили внимание короля, и он должен был сделать им упрек за это, побуждая их вместе с тем принимать поскорее меры для защиты Ливонии¹³⁶.

Литовцы на своем главном сеймике в Волковыске пришли тоже, как и Поляки на своих главных сеймиках, к заключению, что необходимо установить налог на всех без исключения, ввиду грозной опасности, надвигавшейся со стороны московского государства¹³⁷.

Опасения Батория относительно того, что дипломатические переговоры с Москвою могут быть безуспешны, оказались вполне основательными. Баторий напрягал усилия свои к тому, чтобы увеличить средства, необходимые для государственной обороны, а Иоанн принял уже давно (еще 10-го февраля 1577 года) постановление «идти очищать свою отчину Вифлянскую землю»¹³⁸.

¹³³ Acta Stephani regis, стр. 67–72, № XLVI.

¹³⁴ A. Pawiński, Skarbowość... стр. 330–332; Acta Stephani regis, стр. 81, № LXI.

¹³⁵ Hejdensztein, Dzieje Polski, I, 266.

¹³⁶ Акты Зап. Рос, III, 209–211, № 82. Сеймики в Польше окончились уже в мае (Acta Stephani regis, 81, № LVI); литовский же сеймик происходил в июле.

¹³⁷ Acta Stephani regis, 82, № LXIII.

¹³⁸ Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 годах (Военный Журнал, издаваемый Военно-Учебным Комитетом, 1852 год, № 1, стр. 131: «7085 году, февраля в 10-й день, Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси, приговорил с сыном своим, с Царевичем Иваном Ивановичем, и со всеми бояры, прося у Бога милости, идти очищать свою отчину Вифлянскую землю, а с ними быти Великому Князю Семionу Бекбулатовичу Тверскому, иным боярам и воеводам, по росписи».

II. Ливонский поход Иоанна (1577)

Состояние Ливонии в этот момент было весьма печально.

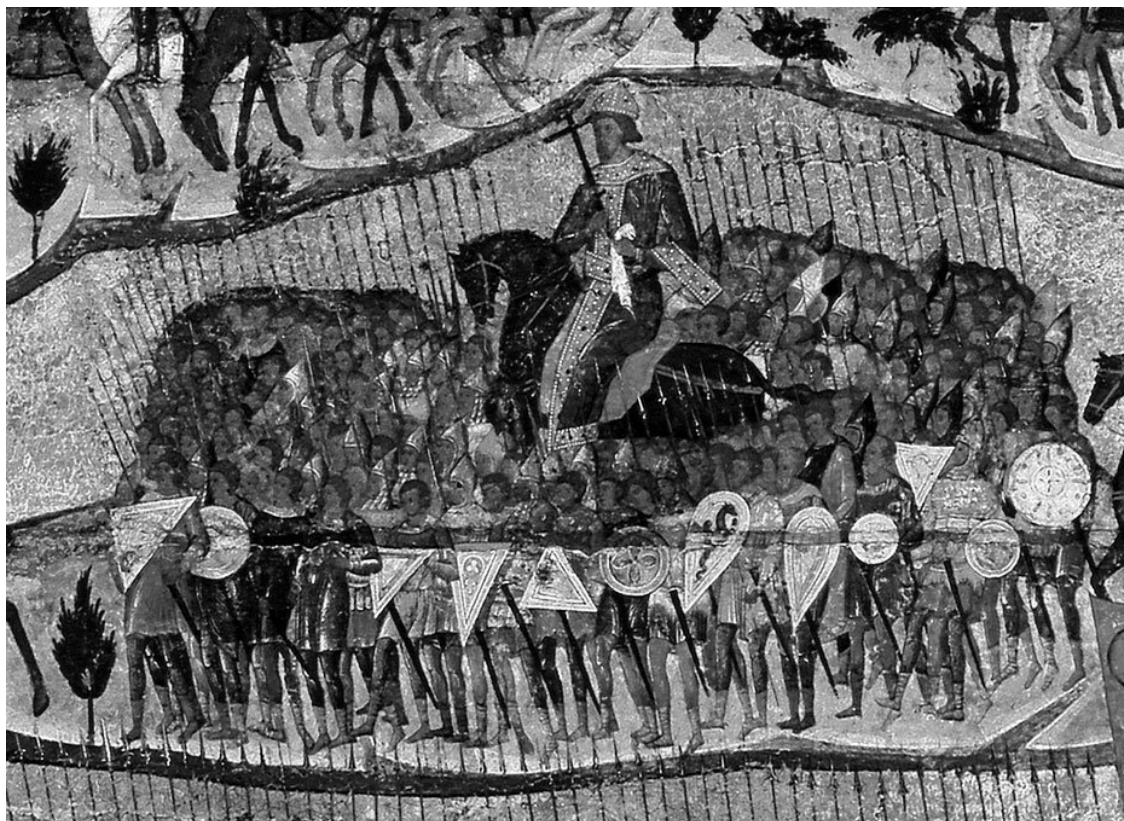
Мы знаем, что еще в 1570 году Иоанн провозгласил королем ливонским на вассальных условиях принца Магнуса, надеясь при помощи такой политической комбинации достичь скорее намеченной цели, а именно утвердиться на берегах Балтийского моря ради торговых и промышленных сношений с Западной Европой. Магнус обязался давать свободный проезд через свои владения иностранным купцам, художникам, ремесленникам и военным людям, направлявшимся в московское государство.

Осуществление этой политической комбинации сильно обрадовало Иоанна: он отпраздновал торжественно возведение Магнуса в короли, выпустил в честь его на свободу всех Немцев, которые находились у него в плену, и обручил своего вассала со своею племянницей Евфимией Владимировною, дочерью кн. Владимира Андреевича¹³⁹.

План создания ливонского королевства можно было привести в исполнение только в той части прежней Ливонии, которая принадлежала Шведам, ибо с Польшей было заключено перемирие. Иоанн отправил немедля, уже в августе 1570 года, Магнуса с войском в Эстляндию, но предприятие потерпело крушение при осаде города Ревеля. Эта неудача сильно напугала Иоаннова вассала, в особенности тогда, когда два его пособника, Таубе и Крузе, авторы проекта ливонского королевства, бежали в Польшу, чтоб избежать царского гнева. Магнус опасался и для себя царской опалы, вследствие чего удалился даже на остров Эзель. Но Иоанн продолжал оказывать благосклонность своему вассалу: он выдал даже за него замуж свою вторую племянницу Марию Владимировну, когда первая умерла (12-го апреля 1573 года). Однако царь не питал уже к нему прежнего доверия, боясь измены с его стороны. Магнус должен был удовольствоваться только двумя замками, Каркусом и Оберпаленом, которые царь пожаловал ему во владение. Король-неудачник жил здесь со своею юной женою в весьма бедной обстановке и в постоянной тревоге за свои владения, ибо они подвергались опустошениям не только со стороны Шведов, с которыми московский государь вел войну, но и со стороны отрядов, находившихся на службе Речи Посполитой, несмотря на перемирия, которые она заключала с Москвой¹⁴⁰, так как Иоанн тоже не соблюдал в точности перемирных договоров.

¹³⁹ Соловьев, История России изд. 1894, книг. II, стр. 206; *Karl Heinrich von-Busse*, Herzog Magnus, König von Livland, Leipzig, 1871, S. 55, 76; *Th. Schieman*, Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des XVI Jahrhunderts, Mitau, 1877, S. 88; *G. Rathlef*, Der Fall Wendens (Baltische Monatsschrift, Bd. XXXV, S. 393), *Г.В. Форстен*, Балтийский вопрос, I.

¹⁴⁰ *Busse*, 56–79.

Царь Иван Грозный с воинством. Деталь иконы Церковь воинствующая. XVI в.

Речь Посполитая, как мы видели выше, старалась обезопасить Ливонию от притязаний Иоанна путем дипломатических переговоров, что ей и удавалось делать. Существенной же защиты она не могла оказать стране, так как на это в казне не было средств.

Между тем Ливония была страшно опустошена, силы ее истощены; кроме того, в умах населения царяла полная неуверенность в том, чем оно владело, а нравственное состояние его отличалось величайшей неустойчивостью. В то время как одни выказывали полную преданность Речи Посполитой, другие готовы были изменить ей во всякую минуту. По стране сновали тайные агенты, которые возбуждали жителей против польско-литовского владычества. К довершению бедствий, ей постоянно угрожало нашествие неприятеля, который действительно иногда и вторгался в ее пределы и производил опустошения. Вопреки перемирию московские войска вторгались в декабре 1572 года¹⁴¹; в начале 1575 года они захватили замок Салис¹⁴²

¹⁴¹ См. выше.

¹⁴² Busse, 91.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.